

Аманбек Батталханов
Болысбек Батталханов
Асылбек Батталханов

АПА

*Жизнь, любовь и память
о нашей Маме*

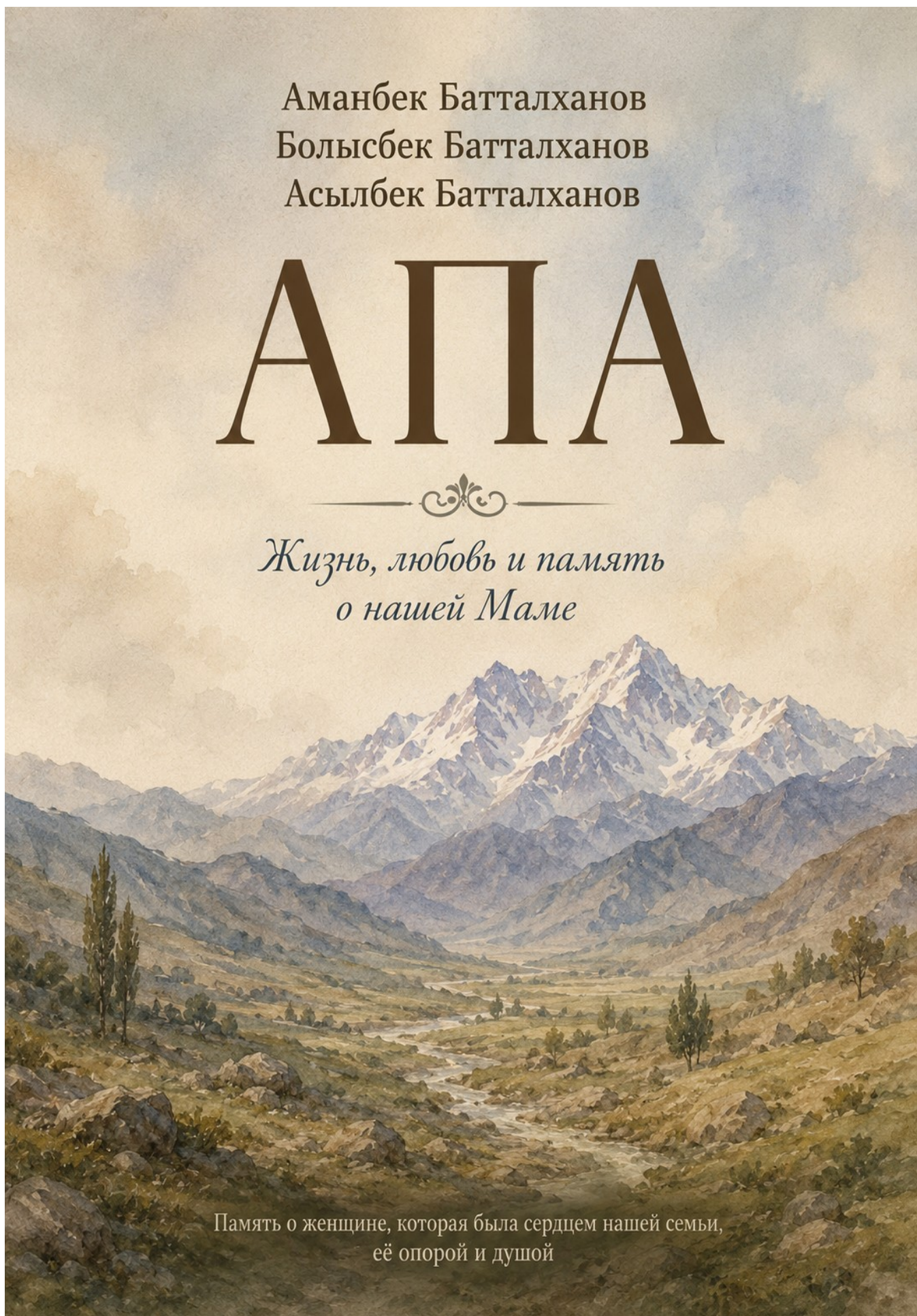
Память о женщине, которая была сердцем нашей семьи,
её опорой и душой

Аманбек Батталханов
Болысбек Батталханов
Асылбек Батталханов

АПА

*Жизнь, любовь и память
о нашей Маме*

Память о женщине, которая была сердцем нашей семьи,
её опорой и душой

Аннотация

Эта книга — живая семейная хроника и теплое, пронзительное воспоминание о матери, которую дети, внуки и правнуки ласково звали «Апа». Жизненный путь главной героини, Калихан-апы, охватывает почти все бурное XX столетие: от рождения в 1926 году в высокогорном ауле до ухода в лучший из миров.

Страница за страницей читатель погружается в подлинный мир казахских традиций, старинных обычаев и кочевого быта. На примере родительского дома здесь детально воссозданы редкие исторические детали: от устройства уникальной степной бани «Булау» с подземным обогревом до бережно хранимых родовых преданий. На долю Апы выпали все суровые испытания века: тяжелейший труд юной трактористки в годы Великой Отечественной войны, изнурительные многодневные переходы пешком через горные перевалы, послевоенная разруха и поднятие семейного очага с нуля.

Вместе с Апой на страницах книги оживают образы её близких: деда Токсанбая, сильного и строгого Батталхана, мудрой матери Бал, отца Усенбая, вернувшегося на родину после долгих скитаний и ставшего глубоко уважаемым в ауле человеком, а также любимого мужа Заманбека — отважного фронтовика-танкиста, прошедшего всю войну и ставшего видным общественным деятелем района.

«Апа» — это не строгая сухая биография, а искренняя, дышащая любовью ткань памяти, сотканная из воспоминаний детей, семейных рассказов и мудрых наставлений. Книга обращена к потомкам с главным и незыблемым заветом: пока мы помним свои корни, чтим традиции предков и храним тепло родного отчего дома — связь времен не прервется. Это дань уважения великой силе материнского сердца, сумевшего сберечь и согреть большую семью в самые тяжелые времена.

Аңдатпа

Бұл кітап — отбасылық шежіре әрі балалары, немерелері мен шөберелері «Апа» деп аялап атаған асыл ананы сағынышпен еске алу. Басты кейіпкер Қалихан апаның өмір жолы XX ғасырдың тұтас бір дәуірін қамтиды: 1926 жылы биік таулы ауылда дүниеге келуінен бастап, бақилық дүниеге өткенге дейінгі кезең.

Оқырман парақтан параққа өткен сайын қазақтың бай салт-дәстүріне, ежелгі әдет-ғұрыптары мен көшпелі тұрмыс-

тіршілігіне бойлайды. Кейіпкердің қара шаңырағы мысалында сирек кездесетін тарихи деректер: жер астынан жылытылатын ерекше «Булау» шипалы моншасының құрылысынан бастап, ұрпақтан-ұрпаққа жеткен ата-баба шежіресіне дейін егжей-тегжейлі баяндалған. Апаның тағдырына ғасырдың ең ауыр сынақтары түсті: Ұлы Отан соғысы жылдарындағы жас тракторшы қыздың жанқиярлық еңбегі, тау асулары арқылы жасалған азапты да ұзақ жаяу сапарлар, соғыстан кейінгі жоқшылық пен отбасылық ошақты нөлден бастап тіктеу.

Кітап беттерінде Апамен бірге оның жақындарының да бейнелері қайта жаңғырады: атасы Тоқсанбай, қатал да қайсар Батталхан, дана да талапшыл анасы Бал, ұзақ сергелдеңнен кейін туған жерге оралып, ауылдың терең сыйлы адамына айналған әкесі Үсенбай, сондай-ақ соғыстың барлық тауқыметін бастан өткерген жауынгер-танкист, кейін ауданның көрнекті қоғам қайраткері болған сүйікті жары Заманбек.

«Апа» — бұл құрғақ өмірбаян емес, бұл балаларының естеліктерінен, отбасылық әңгімелер мен даналық наным-нақылдардан өрілген, мейірімге толы тірі жады матасы. Кітап болашақ ұрпаққа мынадай бұлжымас аманат жолдайды: біз ата-бабамызды қастерлеп, салт-дәстүрімізді ұлықтап, қара шаңырақтың жылуын сақтап тұрғанда — уақыт байланысы ешқашан үзілмейді. Бұл — ең қиын-қыстау замандарда үлкен отбасын аман сақтап, жылуын сөндірімеген ана жүрегінің ұлы да шынайы күшіне деген шексіз құрмет.

Annotation

This book is a living family chronicle and a warm, poignant memoir of a mother whom her children, grandchildren, and great-grandchildren affectionately called "Apa." The life journey of the main heroine, Kalikhan-apa, spans almost the entire turbulent 20th century: from her birth in 1926 in a high-mountain village to her departure to a better world.

Page by page, the reader is immersed in the authentic world of Kazakh traditions, ancient customs, and nomadic life. Using her parental home as an example, the book reconstructs rare historical details in vivid detail: from the construction of a unique steppe bathhouse called "Bulau" with an underground heating system to the carefully preserved ancestral legends. Apa faced all the harsh trials of the century: the grueling labor of a young female tractor driver during the Great Patriotic War,

exhausting multi-day journeys on foot across mountain passes, postwar poverty, and building the family hearth from scratch.

Along with Apa, the portraits of her loved ones come to life on the pages of the book: her grandfather Toksanbay, the strong and strict Battalkhan, her wise mother Bal, her father Usenbay, who returned to his homeland after long wanderings and became a deeply respected figure in his village, and her beloved husband Zamanbek—a brave wartime tankman who went through the entire war and later became a prominent public figure in the district.

"Apa" is not a dry, academic biography, but a sincere, loving tapestry of memory woven from the recollections of her children, family stories, and wise guidance. The book addresses descendants with a vital and immutable testament: as long as we remember our roots, honor the traditions of our ancestors, and protect the warmth of our ancestral home (kara shanyrak), the bond of times will never break. It is a tribute of respect to the great power of a mother's heart, which managed to protect and warm a large family in the hardest of times.

Содержание

№ п\п	Наименование	Стр
	Введение	
	Пролог Живая связь времён	
1	Часть первая. Рождение и истоки	
1.1.	Дети приносят в дом счастье	
1.2.	Где родилась наша Апа	
1.3.	Мать Бал	
1.4.	Отец Апы — Усенбай	
1.5.	Сёстры Апы	
1.6.	Внешность, характер и юные годы	
2	Часть вторая. Дороги войны	
2.1.	Дорога домой: как девочки строили дороги и шли пешком через горы	
2.2.	Свадьба и война	
2.3.	Баурсаки в донских степях	
2.4.	Женщина на войне и после неё	
2.5.	После войны: как начинали с нуля	
3	Дом и семейные традиции	

3.1.	Родительский дом на ГРЭСе	
3.2.	Из книги Б. Батталханова «Апа», 2016 год Шумный «Бэбилон» на ГРЭСе, или наше золотое племя	
3.3.	Воспоминания детей, внуков, правнуков	
3.3.1.	Представительница кочевой цивилизации. Батталханов Болысбек	
3.3.2.	Мой Ата, моя Апа, Майгуль Усенбаева	
3.3.3.	ГРЭС — моя вторая родина. Асылбек Батталханов	
3.3.4.	Воспоминания внука Алибека	
3.3.5.	Моя Апа. Батталханова Райхан	
3.3.6.	Папа.	
3.3.7.	Мой дед — Заманбек Батталханов Асылбек Батталханов, внук, Динмухамед Батталхан, правнук	
3.3.8.	Әке, Амнбек Батталханов	
3.4.	Мудрость старших и родовое наследие	
3.5.	Вера и память	
4	Наша семья	
4.1.	Из книги Батталханова Заманбека «Өмірім — өнегем». (Жизнь моя — мой пример)	
4.2.	Родовые корни и Кара шанырак (О моей семье)	
4.3.	История деда Тохсанбая и степная баня (Булау) ИЗ КНИГИ БОЛЫСБЕКА БАТТАЛХАНОВА «Апа»	
4.4.	Құралайдың көзі. Воспоминание о Ата	
4.5.	Оразбақ батыр	
4.6.	4.6. Из книги Батталханова Заманбека «Өмірім Өнегім»	
4.6.1	Как отец попал в китайскую тюрьму	
4.6.2.	Подвиг Сыдыка Оспанбаева	
4.6.3.	Подвиг Тышканбая и наши родственные союзы	
4.6.4.	Романтическая история свата Ахметжана	
5.	Род Шажа и память родной земли	
5.1.	Шажа	
5.2.	История трёх братьев и дороги длиною в	

	двадцать лет	
5.3.	Память о Бабае батыре	
	Литература	
	Сведения об авторах	

Введение

Эта книга — память о нашей Маме. О женщине, которую мы всю жизнь называли простым и самым тёплым словом — Апа. В этом году ей исполнилось бы сто лет. Чем дальше уходят годы, тем яснее понимаешь: вместе с человеком уходит целая эпоха. Уходят голоса, привычки, семейные истории, интонации, которые невозможно восстановить по фотографиям и документам. Остаётся только память близких людей.

Про нашего Папу написано немало. О нём сохранились книги, документы, воспоминания. О Маме — лишь небольшая книга, написанная моим младшим братом Батталхановым Болысбеком. А ведь именно она была сердцем нашей семьи, её тихой опорой и душой.

Эта книга родилась из желания сохранить память о ней для детей, внуков и правнуков. Сегодня младшие поколения

знают о своей прабабушке, наверное, только одно: она бесконечно любила нас. И это действительно было так. Но за этой тихой материнской любовью стояла большая и непростая жизнь.

Наша Апа прожила почти целое столетие. Она видела старый кочевой уклад, пережила тяжёлые годы перемен, войну, послевоенную нужду, трудные времена восстановления страны. Во время войны она работала трактористкой — совсем молодой женщиной, наравне с мужчинами выполняя тяжёлую работу ради Победы и ради жизни.

Позже её труд был отмечен многими наградами и медалями ветерана труда. Но сама Апа никогда не любила говорить о своих заслугах. Скромность была частью её характера. Она воспитала шестерых сыновей и одну дочь. Вырастила нас не громкими словами, а своим примером: терпением, добротой, трудолюбием, уважением к людям и удивительным внутренним спокойствием.

Она редко жаловалась, никогда не стремилась быть в центре внимания и умела принимать жизнь такой, какой её посылал Всевышний. Наверное, именно поэтому рядом с ней люди чувствовали тепло и душевный покой. С годами начинаешь понимать: настоящая сила человека далеко не всегда бывает громкой. Иногда она живёт в тихой женщине, которая всю жизнь заботилась о семье, трудилась, молилась за детей и просто несла на своих плечах повседневную жизнь.

Эта книга не претендует на строгую историческую биографию. Скорее, это память семьи, попытка сохранить живой образ человека, который был для нас целым миром. Здесь будут и воспоминания, и семейные истории, и размышления о времени, в котором жила наша Апа. Возможно, многое покажется простым. Но именно из таких простых вещей и складывается настоящая человеческая жизнь.

Мне хотелось, чтобы внуки и правнуки знали: их прабабушка была не только доброй пожилой женщиной с ласковыми глазами. Она была человеком большого труда, большой души и большого достоинства. И пока мы помним её — она остаётся рядом с нами.

Пролог. Живая связь времён

Наша мама, которую мы с любовью называли Апа, родилась и выросла в удивительном краю, где земля словно

переходит в небо, а горы хранят древнюю тишину веков. Это Джунгарский Алатау — суровая и одновременно удивительно красивая горная система на юго-востоке Казахстана. Здесь испокон веков кочевали албаны, здесь жили её предки, здесь проходили дороги нашего рода.

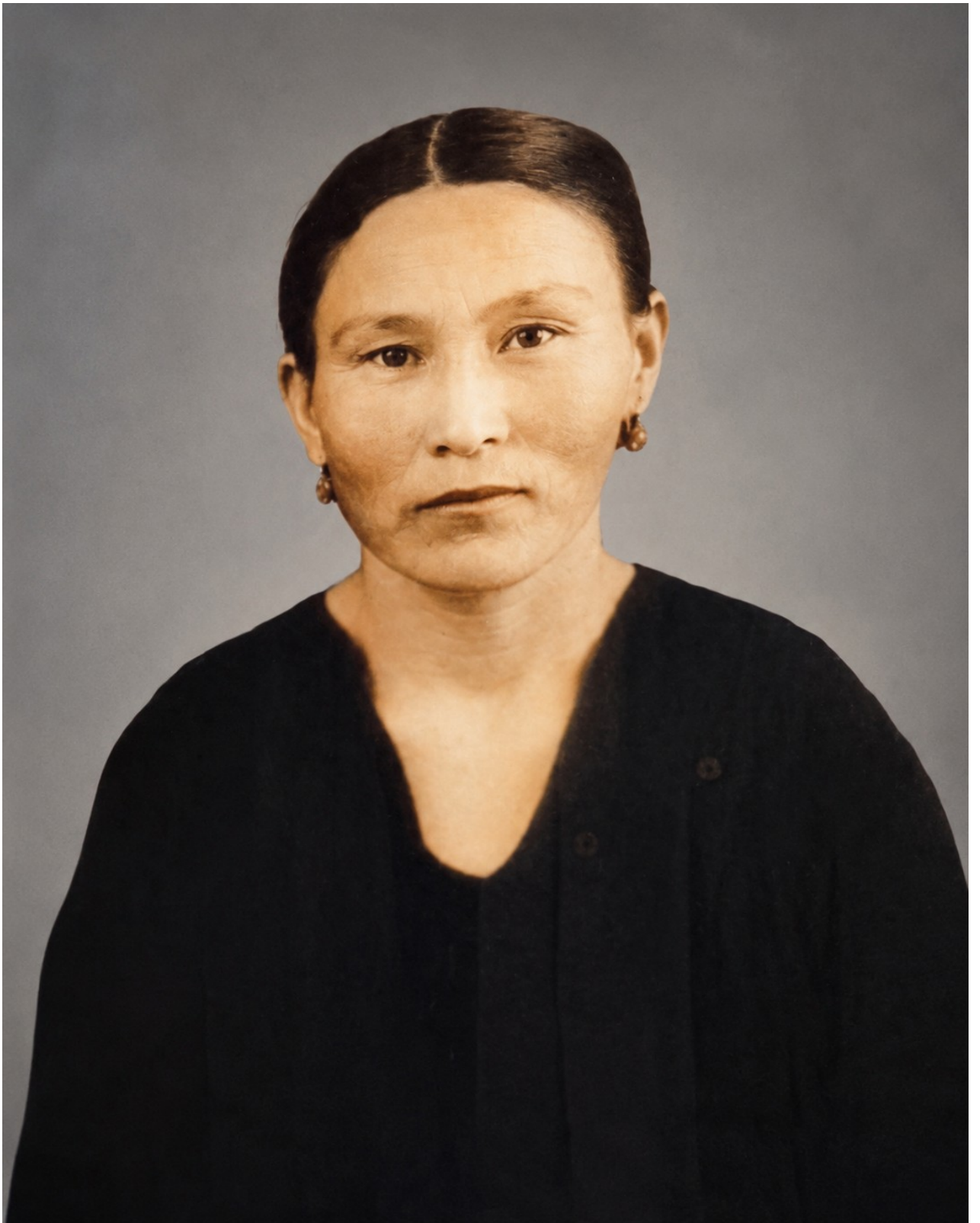
Она не говорила громких слов о любви к родине. Она просто жила здесь. Растила детей. Работала. Радовалась и плакала здесь. И в каждом её взгляде на синеющие вдали горы жила та самая родовая память, которую невозможно выучить по книгам.

Мы выросли на её простых рассказах. Тогда нам казалось, что это просто воспоминания. Лишь позже пришло понимание: через них с нами говорило само время. Иногда Апа показывала рукой в сторону гор и спокойно говорила: «Вон там когда-то стояли наши аулы на жайляу...» Или: «За тем перевалом проходила старая дорога на Кульджу...» В её словах не было желания удивить. Она просто помнила. А вместе с ней память сохраняли горы, степь, ветер и сама земля наших предков.

Наверное, именно тогда я впервые понял одну простую вещь: человек начинается не с самого себя. Он начинается со своих дедов, со своей земли, с родников и дорог, по которым когда-то ходили его предки. И если человек помнит это — он никогда не потеряется в жизни.

Сейчас, вспоминая нашу Апу, я часто вижу её не дома и не среди повседневных забот. Я вижу её стоящей на склоне невысокого холма. Вдали синеют горы. Ветер слегка шевелит её седые волосы. Она молчит и смотрит вдаль.

И в этом молчании — всё: любовь к родной земле, уважение к памяти предков, достоинство степного человека и та самая живая связь времён, которую невозможно переписать в книгах. Её можно только прожить. Как прожила её наша Апа.

Апа

1. Часть первая. Рождение и истоки

1.1. Дети приносят в дом счастье

Стоял один из тех тихих летних дней, когда солнце светит мягко и ласково, не обжигая землю зноем. По высокому синему небу медленно плыли редкие белые облака. Воздух был чист и прозрачен, а с гор тянуло прохладой и запахом степных трав. Где-то негромко плакал младенец. Этот едва слышный голосок трогал материнское сердце до глубины души. Ведь рождение ребёнка — великий дар Всевышнего, продолжение человеческого рода и самой жизни.

Шілдехана — праздник в честь рождения

В те годы рождение ребёнка в казахском ауле было не только семейной радостью, но и событием для всей округи. Ещё до появления младенца на свет приглашали **кіндік шеше** — особую женщину, которая принимала роды и перерезала пуповину. Само слово происходит от «**кіндік**» — пуповина, пуп. Дословно **кіндік шеше** означает «мать, перерезающая пуповину». Это была не просто повитуха, а глубоко уважаемая в ауле женщина. Считалось, что между ребёнком и кіндік шеше на всю жизнь устанавливается особая духовная связь. Она должна была быть доброй, мудрой, иметь здоровых детей — чтобы её благословение передалось новорождённому. Кіндік шеше знала целебные травы, умела заговаривать боль и чувствовала, как помочь матери и младенцу. Она готовила всё необходимое: острый нож, тёплую воду, мягкую ткань. В доме зажигали огонь, чтобы защитить мать и дитя от злых духов.

Когда раздался первый крик, женщины, собравшиеся во дворе, радостно зашумели:

Қыз болды! Девочка!

Сразу после родов начался обряд **шілдехана** — праздник по случаю появления нового человека. Соседки приносили угощения: лепёшки, курт, иримшик. Кто-то резал барана — **қой сою**. Женщины напевали колыбельные — **бесік жыры**, — в которых желали малышке долгой жизни, счастья и доброго имени. Старшая из рода окропила порог дома молоком — древний обычай, означающий, что в этот дом пришло изобилие.

Отец — **Усенбай**, которого мы уважительно звали Сенбай-ата, — осторожно взял крошечную ладонь младенца

своими сильными, огрубевшими от труда руками, прижал дочь к себе и тихо сказал:

Бұл бала бізге бақыт әкеледі. Дети приносят в дом счастье. Пусть растёт здоровой, доброй и счастливой.

Потом немного помолчал и добавил:

Бұйыртса, енді ұл тусын. Аттарын ұқсатып, Қалихан қоямын... Если будет мальчик, назову Калиханом.

Ему тогда было уже около тридцати лет. Тридцать — возраст, когда другие мужчины давно имели жён и детей. А он только начинал свою семейную жизнь. Усенбай много лет скитался по чужим землям — то ли рабом, то ли работником, — и вернулся в родной аул совсем недавно. Его женили, и вот теперь на руках у него была вторая дочь.

Девочку называли **Қалиқан** (иногда говорили Қалихан). Имя было мальчиковским, необычным для девочки, — но в нём слышалась отцовская надежда на сына. А пока росла она — наша будущая Апа.

Бесікке салу — укладывание в колыбель

Через несколько дней, когда мать немного оправилась, собрались на **бесікке салу** — обряд укладывания в колыбель. Пригласили самую уважаемую женщину аула, у которой было много здоровых детей, чтобы её благословение передалось новорождённой. Колыбель — **бесік** — сделал дед из ветвей берёзы, считавшейся чистым деревом. Украсили её разноцветными лентами и подвесками — **шашу**, чтобы отвести сглаз.

Малышку спеленали особым способом: ручки прижали к телу, а ножки оставили свободными, чтобы росли прямыми. Повитуха трижды качнула колыбель и прошептала: «**Әуп, әуп, балам, ұзақ өмір сүр**» — «Спи, спи, дитя моё, живи долго». Затем колыбель накрыли белой тканью и оставили на несколько часов в тени — считалось, что первый сон в бесіке должен быть спокойным и долгим, как сама жизнь.

Ат қою — наречение имени

Через семь дней наступил самый важный момент — **ат қою**, наречение имени. В аул пригласили муллу и самых старых аксакалов. Имя ребёнку не давали просто так: в нём заключалась судьба. Иногда называли в честь умерших предков — чтобы душа предка оберегала. Иногда давали имя, которое должно было защитить от болезней или бед.

Отец долго советовался с матерью — **Бал**. Старшую дочь, родившуюся в 1919 году, называли **Әтижан**. Имя было красивым, певучим. А эту малышку называли Қалиқан — в честь отцовской мечты.

Мулла прочитал молитву, несколько раз шепнул имя в правое ухо младенцу, затем — в левое, чтобы ребёнок запомнил его и на этом свете, и в мире ином. Потом зарезали барана и устроили угощение. Старшие аксакалы, вкусив мяса, произнесли **бата** — благословение:

Пусть это имя принесёт ей удачу. Пусть она будет дочерью, сестрой, матерью и бабушкой — долгой и доброй.

Для нас же она навсегда осталась **Апой** — тёплым, домашним словом, в котором для каждого из нас заключён целый мир.

Тұсау кесу — разрезание пут

Когда девочка подросла и начала делать первые неуверенные шаги, семья устроила обряд **тұсау кесу** — разрезание пут. Это одна из самых красивых казахских традиций: ребёнку путали ноги верёвкой из чёрной и белой шерсти — символом того, что в жизни будет и плохое, и хорошее, — а потом самый уважаемый и быстрый в делах человек перерезал верёвку ножом или ножницами. Считалось, что после этого ребёнок пойдёт по жизни быстро, уверенно, без препятствий.

Для дочери Усенбая пригласили старого аксакала по имени Кенен, который славился тем, что ни одно его дело не останавливалось на полпути. Он разрезал верёвку, поднял девочку на руки и сказал:

Жолың болсын, балам. Пусть твоя дорога будет прямой, как копьё, и широкой, как степь.

Девочка, конечно, ничего не поняла. Она просто улыбнулась беззубым ртом и захлопала в ладоши.

1.2. Где родилась наша Апа

Там, где горы хранят тишину

Наша мама, которую мы с неизменной любовью звали Апа, родилась и выросла в удивительном крае. Там земля словно переходит в синее небо, а величественные горы хранят древнюю тишину веков. Это Джунгарский Алатау — горная система на юго-востоке Казахстана, суровая и одновременно завораживающе красивая.

Для нас Джунгарский Алатау — это не просто строчка на географической карте. Это целый огромный мир, растянувшийся почти на четыреста километров вдоль границы с Китаем. Здесь глубокие речные долины рассекают могучие хребты, а вековые ледники питают чистейшие, ледяные горные потоки. Сама природа разделила эти горы параллельными хребтами на Северный и Южный. На севере высится пик Семёнова-Тянь-Шаньского, увенчанный ледниками Каратальский и Абая, а на юге гордо поднимается ввысь пик Панфилова.

Но среди всех этих исполинских вершин для нашей семьи особенно выделяется Южный хребет. Его западную часть, ограниченную шумной рекой Коксу, люди испокон веков зовут хребтом Токсанбай. Этот суровый, высокий

хребет бесконечно близок и дорог сердцу каждого, кто родился у его подножия. Именно такие места испокон веков формировали характер номадов. Жизнь в горах никогда не была лёгкой: резкий климат с длинными морозными зимами и коротким летом, пронзительные горные ветра и бескрайние, уходящие за горизонт пастбища. Но в этой суровости всегда была особая, первозданная чистота — чистота ледниковой воды, прозрачного воздуха и человеческой души.

Хребет Токсанбай для нас — не просто география. Это священная часть нашей родовой памяти, наше место силы. Токсанбай Ата это наш родной прадед, Арғы Ата. Отсюда, от этих неприступных скал и зеленых лощин, начинается история нашей семьи и жизненный путь нашей дорогой Апы.

Хребет

Токсанбая

(<https://www.fishingsib.ru/gallery/view/29980/>)

Образы родной земли

Если закрыть глаза и мысленно перенестись в края маминого детства, перед взором оживают удивительные картины родной земли.

Вот высокие хребты Джунгарского Алатау поднимаются к самому небу, будто застывшие волны древнего каменного океана. На переднем плане колышутся изумрудные склоны, покрытые сочными степными травами и редкими горными цветами. А вдаль, на самом краю земли, белеют снежные вершины — холодные, спокойные, словно вековые стражи, охраняющие покой этого мира. Ветер проносится по глубоким ущельям, и кажется, будто сама земля глубоко и размеренно дышит. Здесь нет людской суеты — только вечность, гранит, вечный снег и бескрайнее небо.

Суровый хребет Токсанбай тянется вдоль горизонта, четкой линией разделяя поднебесье и землю. Его скалы, тёмные и резкие, местами покрыты белыми шапками, которые не тают даже жарким летом. А далеко внизу, между огромных валунов, пробивает себе путь узкая долина реки Коксу. Сама долина раскрывается между гор, как огромная зелёная чаша. Вода в Коксу — бурная, ледяная, удивительного прозрачно-голубого оттенка. По берегам густо разрослись травы, кустарники джиды и редкие деревья. Всё здесь — вода, земля и человек — издавна живет в одном неспешном, мудром ритме.

Память отчетливо рисует живые картины летнего кочевья. По горному склону, поднимая лёгкую серебристую пыль, движутся табуны горячих лошадей. Аульчане дружно собирают юрты, готовясь к очередной перекочёвке на сочные жайляу. Рядом бегают, залиvisto смеясь, босоногие дети. Небо над головой высокое и прозрачное, а летнее солнце — мягкое, ласковое. Оно не обжигает, а просто освещает путь этой большой жизни, которая движется в полном согласии с природой.

А затем на Алатау опускается зима, и всё вокруг покрывает звенящая белая тишина. Огромные горы почти исчезают в сугробах и низких облаках, оставляя видимыми лишь темные силуэты хребтов. В морозные дни сизый дым из печей зимних домов поднимается ровно вверх, к самым звездам. В этой степной зиме скрыты великое спокойствие и колоссальная сила: природа замирает, чтобы весной, с первыми подснежниками, проснуться и ожить вновь.

Узкая, едва заметная горная тропа уходит высоко вверх, петляя между камнями. По этой едва приметной ниточке когда-то ходили наши предки, тянулись караваны, кочевали пастухи. Следы старинных копыт и шагов давно стерлись временем, но сама дорога осталась жить в нашей памяти. Именно эта тропа ведет нас туда, где начинались истоки нашего рода, где горы раз и навсегда стали частью судьбы человека.

Аул Ашанохы

Аул **Ашанохы** — нынешний Малый Дехан — был маленьким. Несколько десятков домов из самана, тесно прижавшихся друг к другу у подножия Джунгарского Алатау, недалеко от китайской границы. Настоящих улиц не было — так, кривые тропинки между дворами. Дым из труб поднимался прямо в небо, и если ветер дул с гор, то весь аул пахло можжевельником и ледниковой свежестью.

Наша Апа родилась не в доме, а на **жайлау** — летнем пастбище, куда каждое лето перекочёвывали целыми аулами. Там, в горах, воздух был чище, вода — холоднее, а трава — сочнее. Там женщины рожали прямо в юртах, постелив под себя чистую кошму и положив рядом острый нож, чтобы перерезать пуповину.

Там, на Шалкоде, и увидела свет наша Апа.

Дата рождения

Точной даты своего рождения она не знала. Никто не знал. В те годы в аулах не вели метрических книг, а если и вели — то где они, те книги? Сгорели. Потерялись. Истлели.

Она помнила только одно: родилась в начале лета. **Маусымда**. Когда цветут травы и на склонах гор появляются первые дикие пионы.

Потом, уже в зрелые годы, когда пришло время менять паспорт, чтобы выехать на отдых за рубеж, ей понадобилась дата рождения. Она подумала и написала: **27 июня**.

Почему именно этот день?

27 июня — день рождения её младшего сына, **Бахыта**. Позднего ребёнка. Особо любимого. Того, кому суждено было стать хранителем **карашанырака** — родового очага, семейного крова. Того, кто примет дом после её ухода и передаст его дальше.

Так она соединила свою жизнь с жизнью сына. Будто сказала: «Я начинаюсь в тебе, а ты — во мне».

Мир не успел зализать раны

Это было летом 1926 года. Но мир вокруг не был мирным.

После революции 1917 года старый уклад рушился на глазах. Ещё недавно казахи кочевали по своим землям, жили по законам предков, чтити аульных старшин и биев. А теперь всё летело в тартарары: власть менялась, земли отбирали, привычные дороги перекрывали.

Мир не начал зализывать раны. Наступили тяжёлые времена. Старый уклад рушился, нового ещё не было.

Для казахов эти годы стали особенно тяжёлыми. Только что отгремели голодные годы начала 1920-х — **ашаршылык**, страшное время, когда сушили лебеду, мололи кору, резали последнюю скотину и всё равно умирали. Старшие рассказывали, что в те годы аулы пустели: одни уходили на восток, в Китай, другие — на запад, в поисках хлеба. Многие не вернулись.

К 1926 году жизнь потихоньку возвращалась в своё русло. Но это не был мир. Это было затишье перед новыми бурями. Хлеб всё ещё был дорог. Мясо — редкостью. Каждый кусок берегли. Дети бегали в рваных чапанах, женщины перешивали старую одежду по три-четыре раза.

В разговорах всё чаще звучали слова о новых порядках, налогах и переменах, приходивших издалека. Переход алфавита из арабского в латиницу, изменение всего уклада

быта и жизни. Столкновение разных общественных укладов: кочевых традиций казахского народа, перехода из феодализма в социализм, разрушения одного мира и становления огромной мировой державы.

В такое время, говорят, рождаются гении. Или просто очень крепкие люди. Такие, как наша Апа.

Жизнь в маленьком ауле

Но, несмотря ни на что, жизнь продолжалась. По утрам над аулом поднимался дым из саманных домов. Женщины хлопотали по хозяйству, мужчины уходили к скоту или в поле. Люди держались: помогали друг другу, делили последний курт, собирали кизяк на зиму, пасли овец в горах.

Гостеприимство оставалось священным законом. Если в дом стучался путник — его кормили, поили, давали отдых, не спрашивая ни имени, ни рода. «**Қонақ — келіннің көзіндеі**» — говорили казахи: «Гость — как зеница ока невестки». В те трудные годы это был не просто обычай, а проверка человечности: сумеешь ли ты поделиться последним?

В семье Усенбая и Бал в это время росли две дочери. Старшая, **Әтижан**, родилась в 1919 году — в самое голодное, смутное время. Она была серьёзной не по годам, помогала матери по хозяйству, приглядывала за младшей. Младшая — наша будущая Апа, Қалиқан, — только начинала свой путь.

Две сестры. Разница в семь лет. Одна родилась после революции, когда мир трещал по швам. Другая — когда мир только начинал зализывать раны, но раны не заживали.

Им предстояло пройти через многое: коллективизацию, войну, голод, потерю близких, рождение детей, смерть мужей, старость. Но это будет потом.

А пока — лето 1926 года. Жайлау. Юрта. Запах полыни и парного молока. И маленькая девочка по имени Қалиқан, которая только открыла глаза и увидела небо.

1.3. Мать Бал

Мать нашей Апы звали **Бал**.

Она была из рода Алжан, подрода Шагыр. У нее было два брата Молдабай и Нусипжан.

Она была женщиной редкой для тех мест красоты — **белолицей**, тогда как в предгорьях Джунгарского Алатау под жёстким солнцем кожа у людей обычно темнела, становилась смуглой. Наша Апа, её дочь, была смуглой, и все её сёстры тоже. А Бал выделялась: светлая кожа, правильные черты лица, и при этом — твёрдый, даже жёсткий характер. В ауле её уважали, но побаивались. Она была женщиной негромкой, но слова её имели вес. Если Бал сказала — значит, так и будет.

Говорили, что она умела заговаривать боль и знала целебные травы. К ней приходили за советом, за лечением, за помощью. Она никому не отказывала, но и лишнего не позволяла.

Порядок, которому удивлялись

Но больше всего в ауле поражались другому. В доме у Бал всегда был **абсолютный порядок**. Учитывая, что в ауле не было не только горячей воды, но и водопровода, это казалось почти чудом.

Печь — обычная, глинобитная, топили её кизяком и дровами. Печь стояла во дворе, потому что в доме от неё было бы слишком жарко и дымно. И при этом — скатерти всегда были чистыми, словно накрахмаленными. Постельное бельё — белоснежным. Посуда — вычищенной до блеска.

И самое удивительное: в доме Бал **никогда не было мух**. А мухи в ауле были настоящим бичом — летом они

тучами вились над едой, над детьми, залетали в дома. Но у Бал — ни одной. Как ей это удавалось, никто не мог понять, но все уважали.

Любимый внук Ерманат

У наших женщин был обычай: когда они шли в гости или по делам, они часто брали с собой одного-двух внуков, маленьких детей. Бал всегда брала с собой **Ерманата**, нашего младшего брата, который до школы жил в ауле. Он был её любимым внуком. Она водила его с собой по гостям, по соседям, на маленькие аульные собрания. И он рассказывал потом, что бабушка Бал пользовалась огромным уважением среди односельчан. Её слушали, к её мнению прислушивались старики, её слово было весомым. Наш отец, в ее редкие приезды к нам домой всегда внимательно к ней прислушивался.

В присутствии старших она всегда молчала. Это была не робость — это было уважение. Казахская женщина знала своё место, но это место было прочным, как скала. Бал держала дом, детей, хозяйство. И держала так, что никто не смел перечить.

Верность и память

Отец Усенбай, прошедший через долгие скитания, нашёл в ней надёжный тыл. Бал не задавала лишних вопросов о его прошлом. Она приняла его таким, какой он есть, — и создала дом, которого у него никогда не было. Уют, порядок, чистота — всё это было её рук делом.

К сожалению, она рано ушла из жизни. **Бал умерла в 1965 году.** Нагашы ата Усенбай пережил её почти на двадцать лет. Он остался один, но память о ней — о её белоснежных скатертях, о её удивительной чистоте, о её твёрдом характере и светлой коже — жила в нём до конца.

К тому времени, когда Бал ушла, её внуки — наши старшие братья — уже хорошо помнили её. Они рассказывали, что бабушка Бал была строгой, но справедливой. И что в её глазах всегда светила та самая степная мудрость, которую невозможно передать словами — можно только перенять сердцем.

Наша Апа, видимо, унаследовала от неё и внешность (хотя была смуглее), и внутренний стержень. Ту же прямую осанку, тот же спокойный, но твёрдый взгляд. Те же руки, умеющие и ласкать, и держать дом в порядке. А от отца Усенбая она унаследовала терпение, выносливость и удивительную способность ждать и верить.

1.4. Отец Апы — Усенбай

Отца нашей Апы, нашего Нағашы Ата, звали Усенбай Туниязов.

Он был из рода Албан, ветви Шажы, подрода Дүйше.

Род Шажы — часть большой истории Жетысу. Через семейные рассказы, старые воспоминания и неспешные разговоры у дастархана до нас доходила память о предках, о жайлау, о трудной, но достойной жизни степных людей.

Для нашей Апы всё это было не просто прошлым — это была сама жизнь. Она выросла среди людей, которые ещё помнили старые кочёвья, знали древние дороги, уважали землю и хранили родовую память как святыню. Наверное, поэтому в её характере всегда чувствовались внутренняя сдержанность, спокойствие и особое достоинство степного человека.

Мы звали Нағашы Ата просто Сөнбай Ата.

Своих родных дедушку и бабушку мы, к сожалению, не застали — они ушли из жизни ещё до нашего рождения. Поэтому именно он стал для нас настоящим Ата, а его супруга Бал — нашей бабушкой.

Сөнбай Ата был среднего роста, но необыкновенно крепким и сильным человеком. Даже в преклонном возрасте он свободно выполнял любую работу по хозяйству: рубил дрова, косил сено, управлялся со всем сам. Люди уважали его за трудолюбие, спокойный характер и силу духа.

Во время коллективизации весь скот в ауле собрали вместе. Нужно было решить, кому доверить стадо — кто будет пасти его, беречь и отвечать за него перед людьми. Долго не могли прийти к согласию и в конце концов решили выбрать человека голосованием. Односельчане избрали Усенбая.

Это было не назначение сверху — это было доверие людей. Так и остался он в памяти сельчан не назначенным, а избранным чабаном. Поэтому и называли его: «сайланған шопан» — избранный пастух.

Он близок всем нам, наверное, потому что мы его видели, в отличие от Батталхана, но мы носим его имя в нашей фамилии. Усенбаев, только Бекболат. (Интересно если бы папа читал другую книгу, когда Беке родился как бы его называли). Так вот, дед наш Усенбай ата был довольно крутой человек в свое время. Как иногда вспоминала Апашка, хозяйство у них было не маленькое. Много лошадей, коров, овец, вспоминала она, всегда были на пастбищах нашего деда.

Из воспоминаний Болысбека Батталханова

Отец наш Заманбек, с большим уважением, и мне кажется с благодарностью, относился к своим қайнжуртам, т.е. маминым родственникам. воспоминание. Отец ездил один раз в год в аул и давал сәлем аксакалу Туниязову Усенбаю, привозил кучу подарков и разных других нужных в ауле вещей, детям конфеты и печенье, потому что этого в ауле не было. Тогда мне было совсем мало лет, но я помню, как по детскому радовался Усенбай ата, глаза искрились, и он это не скрывал, видимо давая понять всем, что это его кұеу бала. Усенбай ата долго рассматривал те подарки, которые ему привозил отец, и о чем-то думал. Лицо его становилось сразу серьезным, и взгляд потомка номадов обращался куда-то далеко-далеко. Что он чувствовал, я сейчас могу его понять, как отец, не имеющий сына, он видел в нашем отце сына, не данного ему в этой его долгой жизни. Отец проявлял сыновью любовь, сыновью заботу, которая для мужика так важна как воздух, женщины этого не поймут, как мы не понимаем их разные странности. Конечно мудрый степной аксакал Усенбай, знал очень высокие вещи, но время говорить, тогда еще не всем удавалось. Они все воспринимали буквально как есть. Жизнь таких людей, это уже история, их думы — это философия, даже походки их, это высоко поднятые головы и твердая поступь, слова — это напутствие молодым своего рода өсіетты создер, мысль это человеческая, степная наука.

В ауле рассказывали, что наш дедҮсенбай-ата активно помогал во время ВОВ. Я так думаю, что дед был врожденным дипломатом. Помню в дип. академии нам читал лекций известный специалист в международных делах папин друг Михаил Исиналиев, что была кочевая дипломатия. Хан Аблай одновременно ладил и с Русью и с Китаем, не разгромил джунгаров, чтоб был буфер между Казахией и Китаем.Ддед Үсенбай, был дипломатом. Да потому что, сохранил такое хозяйство при частой смене власти в стране, и при резких переменах в людских судьбах. Масштабы в двух примерах разные, а суть одна. Жить нужно уметь, как говорят времена и люди всегда одинаковые.

Я, Болысбек Батталханов, хорошо помню один случай из детства.

Однажды я увидел пожилого человека, который косил траву косой. Работал он спокойно, уверенно, словно возраст был не властен над ним.

— Это и есть Усенбай ата? — спросил я у матери.

— Да, именно он, — ответила она.

— А сколько ему лет?

— Уже около девяноста...

Я удивился.

Мама улыбнулась, погладила меня по голове и тихо сказала:

— Настоящий человек должен быть трудолюбивым и не бояться работы.

Эти простые слова навсегда остались в моей памяти.

Сам Ата любил повторять:

«Қарғыстан, малайлықтан, жұмыстан адам өлмейді. Өлсе — мен өлер едім».

В этих словах была вся его жизнь. Об этом ещё будет рассказано дальше.

Есть и другой случай, уже из моей собственной памяти. Ата тогда было далеко за восемьдесят. В гости приехали старшие братья — Бекболат и Ерболат. Оба крепкие, спортивные: Бекболат — разрядник по вольной борьбе, Ерболат — волейболист.

То ли в шутку, то ли решив проверить силу старика, они начали с ним бороться. И тогда Ата одной рукой прижал одного, другой — второго. Одного справа, другого слева. Они даже пошевелиться не смогли.

Вот такая была сила.

В следующих главах я ещё подробнее расскажу о Нағашы Ата и его братьях.

1.5. Сёстры Апы

У нашей Апы была старшая сестра Әтіжан, мы ее звали Әкийапа и три младшие сестры — **Дәметқан, Дәметер и Қойсын**. Пять дочерей росли в доме Усенбая и Бал, и хотя жизнь разбросала их по разным аулам, сёстры всю жизнь хранили друг к другу тепло и уважение.

Әтіжан

Старшая сестра Әтіжан, наша Әкіяапа. Удивительная Женщина, пользовавшаяся особым уважением Папы. Практически все лето мы проводили у нее дома. На месяц уезжали в горы с Кәрі Мамажили в юрте, пасли коров, собирали дрова, сушняк. Мы это Я, Еркнат, покойный Бекзат. По возрасту старшим был Я, однако заводилой был Бекзат. Он был ауыльным мапльчишкой и в отличии от меня знал что и как надо делать.

У Әтіжан в году ы 1946 родилась дочь Саулетхан.

Воспитывала она, как своего родного сына, мальчика по имени Бекзат. Он рано ушел из жизни, в 18 лет, выполняя

воинский долг. Очень талантливый был парень, хорошо пел, физический очень сильный, выполнял все работы как по дому так и в колхозе. По семейным преданием он был сыном младшего брата Нусипжана. За точность не ручаюсь.

Бекзат ушел рано выполняя воинский долг где то под Иркутском . Похоронен в Малом Дихане

Әтижан всю жизнь проработала в Малом Дихане. Ушла рано, в 1975 году, за два месяца до нашей свадьбы с Райхан. Зная что уходит и понимая, что в год траура нельзя проводить разные мероприятия, в том числе и свадьбы Лна сказала Папе, Тойды өткіз.

Из книги «Папы Әмірім Өнегім»:

«В этой книге я хочу выразить глубочайший сыновний поклон особенным людям. Это старшая сестра нашей Мамы-Калихан — Атижан әпке. Она стала для всей нашей семьи по-настоящему родной, заботливой и любящей матерью, оберегавшей нас в самые трудные минуты.

Ее супруг — Сыдык Оспанбаев (1917 года рождения). Окончив 7 классов, он сразу поступил на двухгодичные учительские курсы в городе Жаркенте. Всю свою долгую и честную жизнь Сыдык ага посвятил благородному делу просвещения, обучая сельских детей. Наша благодарность этой чете за их бесконечную доброту и поддержку нашей семьи — безгранична.»

Дәметқан

Старшая из младших сестёр, **Дәметқан**, вышла замуж за **Меркана**. У них родилось двое сыновей — **Султан** и **Қумарбек**. Султан, к сожалению, рано ушёл из жизни, оставив память о себе в семейных рассказах. Қумарбек вырос, создал свою семью, продолжил род. Дәметқан была женщиной спокойной, похожей на мать — с тем же внутренним стержнем и умением держать дом в порядке.

Удивительная Женщина, я почему-то звал ее Езлик, почему? НЕ знаю. Я часто ночевал у них дома и когда был маленьким и потом, когда вырос. У них был маленький ларек, где продавали всяческую всячину. Мы бывало воровали яйца и относили в магазин и получали конфеты. Трудно назвать их конфетами по виду, они были как бы вырезанными из более крупного куска, но для нас это было наслаждение.

Дәметер

Дәметер вышла замуж за **Жамықана**, который работал учителем математики. К сожалению, он рано умер, оставив её одну с детьми. Дәметер была умной, грамотной

женщиной — видимо, от мужа-учителя она переняла любовь к знаниям и порядку. У них родились сын **Нурболат** и дочери **Сабира, Роза, Бибигуль**. Дәметер вырастила их одна, без мужа — это было тяжело, но она не жаловалась. В ней, как и во всех сёстрах, жила та самая степная стойкость, которую передала им мать Бал.

Қойсын

Самая младшая, **Қойсын**, рано вышла замуж. И, к великому сожалению всей семьи, очень рано ушла из жизни от болезни. Она была молодой, красивой, с большими планами на жизнь — но болезнь забрала её слишком быстро. У Қойсын остался единственный сын — **Айиндин**. Он вырос, зная о своей матери в основном по рассказам старших. Апашка часто вспоминала свою младшую сестру с тихой грустью. В её голосе, когда она говорила о Қойсын, всегда слышалась боль утраты, которая не уходит даже через десятилетия.

Память о сёстрах

Пять сестер — Әтіжан, Қалиқан (наша Апа), Дәметқан, Дәметер и Қойсын. Все они были дочерями Усенбая и Бал. Все они впитали в себя материнскую любовь к порядку, отцовскую выносливость и ту самую степную мудрость, которая помогала выживать в самые трудные времена.

Судьбы у них сложились по-разному. Кто-то потерял мужа, кто-то — сына, кто-то сам ушёл слишком рано. Но они держались друг за друга, помнили родной дом, помнили родителей. И наша Апа, будущая старшей из них, всегда чувствовала ответственность за младших сестёр — даже когда они уже выросли и разъехались по своим семьям.

Сегодня их дети и внуки живут в разных концах страны. Но память о сёстрах хранится в нашей семье, передаётся из уст в уста, от старших к младшим. Потому что, как говорила сама Апашка, **род не распадается, пока жива память**.

1.6. Внешность, характер и юные годы

Апа закончила 8 классов, при этом часть , не помню с какого класса она продолжила учёбу в с.Кольжат. Это где-то 15 км от Ашанохы.

Знаете, когда вы сейчас садитесь в тёплую машину или автобус, чтобы доехать до школы, я всегда вспоминаю нашу Апу. И мне очень хочется, чтобы вы тоже об этом знали и помнили.

И вот где-то с класса пятого или шестого ей пришлось ходить на учёбу в соседнее село Кольжат. От нашей Ашанохы это примерно пятнадцать километров. И вот представьте себе картину: машин тогда в округе не было вообще, на несколько аулов стоял один старенький грузовик, который берегли как зеницу ока. И девчонки тринадцати лет ходили в школу

пешком. Каждый день. Пятнадцать километров туда и столько же обратно.

Я до сих пор в толк не возьму: ну ладно летом или тёплой весной. А когда ненастье? Когда осенний ливень стеной или зимний буран, когда из дома носа не высунешь? А они шли.

Дорога-то была непростая, по горной тропинке. Сначала надо было спуститься в глубокий овраг. Там протекала речка — она и сейчас там течёт, и дорога идёт ровно через это место. Речка хоть и неглубокая, но быстрая, вода ледяная, прямо с гор. Мостиков не было, и девчонкам приходилось прыгать с камешка на камешек, балансировать, чтобы не соскользнуть. Чуть зазеваешься — упадёшь в воду, намокнешь, а впереди ещё три часа ходьбы. Перейдут речку, пройдут пару километров мимо Большого Дихана (тогда он колхозом Молотова назывался), а дальше — тропа по предгорьям до самого Кольжата. С трудом сейчас это себе представляю.

Но в те времена в аулах детство заканчивалось рано. В двенадцать лет девочка уже считалась взрослой, полноценной помощницей. На ней держался весь дом. Магазинового готового хлеба ведь не было. Апе нужно было самой замесить тесто, развести огонь в ошаке — это такой очаг во дворе под навесом — и напечь лепешек на всю семью.

И с водой была вечная история. Фляги обычно таскали мальчишки, а у девочек — два ведра и коромысло. И надо снова идти в тот самый овраг к речке, набрать воды и подняться по крутому склону обратно. А ещё подоить корову, присмотреть за младшими, соткать циновку, собрать кизяк для растопки...

И вот после всей этой домашней работы и тридцати километров пешком каждый день наша Апа не ожесточилась, не сломалась. Именно на этой каменистой тропе, наверное, и выковался её удивительный характер. Было тяжело, голодно, обувь прохудившаяся, одежда простенькая, но у неё была какая-то невероятная тяга к жизни, к знаниям.

Её никто не заставлял идти в Кольжат. В те суровые времена можно было остаться в ауле, не учиться, сослаться на непогоду или отсутствие обуви. Но в этой хрупкой казахской девочке уже тогда жила великая, неодолимая тяга к свету, к знаниям, к лучшему будущему для своих ещё не рожденных детей.

Каждый раз, когда наступали сумерки, Калихан, возвращаясь из школы и переходя ту самую бурную речку в

овраге, смотрела на далекие заснеженные пики Токсанбая, прижимала к груди школьную сумку и тихонько, как молитву, шептала: «Құдайға тәуба...» Она благодарила Всевышнего за то, что у неё хватило сил дойти. За то, что дома горит очаг. За то, что на столе есть кусок теплой лепёшки.

Пусть эта каменистая дорога длиною в пятнадцать километров навсегда останется в памяти нашей семьи как главный урок мужества. Урок того, что любые трудности можно преодолеть, если в твоём сердце живут чистая вера, любовь к близким и великое мамино терпение.

Мне очень хочется, чтобы вы, её внуки и правнуки, каждый раз, когда вам покажется, что жизнь к вам несправедлива или вам лень что-то делать, вспоминали эту горную тропинку и те тридцать километров, которые ваша маленькая Апашка прошла ради того, чтобы у нас с вами сегодня всё было хорошо. Цените то, что имеете, и никогда не забывайте её любимые слова.

Может быть и на дороге увидел её наш отец? Все может быть.

Наша Апашка всегда оставалась маленького роста — 152 сантиметра, вес около 40 килограммов. Но при этом — с большим кругозором, жизненным опытом, врождённой мудростью, степным аристократизмом, железным спокойствием и природной смекалкой.

У неё были правильные черты лица, потрясающие данные. Глаза — большие, тёмные и чистые, словно глаза молодого верблюжонка. Они смотрели на мир с удивительным спокойствием и доверием. Улыбка и смех у неё всегда были открытыми, с прямо смотрящими глазами. Одевалась она по моде своего времени и, главное, всё время на фото в разных платьях — видимо, любила быть всегда на высоте наша красавица Апашка.

В юности она была очень активной. Рассказывала мне, что очень любила играть в асыки, ездила верхом на лошади, лазила по деревьям. Имя у неё было мальчишеское — Қалиқан. Девушка Қалиқан была одной из самых красивых — **әдемі** — в окружении своих сверстниц, даже по словам одной из близких подруг.

Но это беззаботное детство и активная юность быстро сменились тяжелыми временами. Испытания в годы войны в тылу перевернули привычный уклад жизни. Вот что пишут о нашей Апашке академики, доктора наук Макен Тойшыбаев и Сайден Жолдасбаев: *«Калихан апай в годы войны работала в колхозе трактористом-комбайнером».*

В это суровое время ковалась её внутренняя сила, железное спокойствие и природная смекалка. Когда Апашка рассказывала обо всех этих событиях простым языком, таким обычным, как будто делилась рецептом приготовления очередного блюда, я лично всегда удивлялся. В фундаменте нашей жизни остаются такие крепкие, закалённые, смелые и решительные люди предвоенных и военных лет, как наша Апашка.

Кругозор и интеллект Апашки

У нашей Апашки было образование всего лишь неполной средней школы, но рассуждения — как у академика. И главное — как она всё это просто доносила.

Она свободно рассуждала о деятельности Сталина, Молотова, Брежнева, Кунаева, знала, кто из них чем занимался. Знала, что есть полное собрание сочинений Ленина, и о сталинской репрессивной политике. Говорила обо всём на простом, обычном, местном, доступном языке.

Например, она говорила, что частная собственность — **«жеке қожалық»** — это казакка керек нәрсе, то есть необходимая для казахов вещь. Представляете: жена первого секретаря райкома! Когда Апашка рассказывала обо всех этих событиях простым языком, будто делилась рецептом приготовления очередного блюда, я лично всегда удивлялся.

«Жоңғар ондай күшті болған жоқ», «Қазақтарда бірлік болмады» — вспоминала она при одной из бесед после моих занятий в академии. Откуда она это знала — не знаю. Тогда я не обратил внимания на эти её высказывания. Почему-то сейчас на ум пришло.

Помню, когда мой брат Болысбек писал реферат на тему Дней казахской культуры в Москве, было удивительно, когда Апашка спокойно называла имена известных деятелей культуры, участников этих дней. Честно признаться, я не всех знал, а некоторые имена мне открыла впервые моя Мама. Например, что Иса Байзаков играл главную роль в ауэзовском «Енлик-Кебеке». Уровень чувствуете. Главное, что я не знал, а Маму это не пугало — она неторопливо, как бы разговаривая с собой, просто объясняла всё, что знала сама.

В это время мама объяснила, что значит у казахов слово **«Өсиеттер»** (заветы, наставления предков) и когда оно применяется. В дальнейшем мне это ох как пригодилось и помогло.

Апашка говорила: «Всё великое — простое». И вот эта её простота и молчаливая степная мудрость, сама того не

зная, давала ответы на многие, иногда кажущиеся неразрешимыми проблемы.

Некоторые братья, особенно женьгешки, скажут, прочитав эти строки, что я что-то выдумываю про кругозор Апашки, что они якобы этого от неё не слышали. А корни этих знаний — часть от нашей Апашки и часть от их матерей. «Причём тут Апашка?» — скажете вы. Неужели дочь степей, выросшая в ауле, девушка, отец которой всю жизнь пас овец и лошадей, не могла знать такие вещи? Я, например, да и Еркнат тоже, знаем это от Апашки.

2. Часть вторая. Дороги войны

2.1. Дорога домой: как девочки строили дороги и шли пешком через горы

Военное лихолетье

1942 год. Страна задыхалась в огне Великой Отечественной. Мужчины уходили на фронт, и их место у станков, на полях, за рычагами тракторов занимали женщины, старики и совсем молодые девчонки. Нашей Апе было всего шестнадцать. Шестнадцать лет — возраст, когда сегодняшние девочки выбирают платья, слушают музыку, мечтают о первой любви. А тогда... Тогда она встала к рычагам трактора.

Она закончила курсы механизаторов и работала в колхозе трактористом. Это трудно представить сейчас: хрупкая девушка ростом 152 сантиметра, весом чуть больше сорока килограммов — и железная машина в её руках. Днём — тяжёлый труд в поле, вечером — дом, семья, быт. Голодное время. Всё для фронта, всё для Победы. Она никогда не жаловалась. Просто делала.

Дороги, которые строили девочки

Потом её, как и многих других, забрали на строительство дорог. Тех самых дорог, которые нужны были стране для связи с отдалёнными районами, для перевозки грузов, для жизни. Строили трассу, которая сейчас

называется Алматы — Чунджа. Их участок находился где-то в районе села Кокпек.

Дорогу строили в скальном грунте. Это сейчас там проходит новая, ровная трасса через перевал. А тогда — скалы, скалы и скалы. Взрывали породу, дробили камни, таскали на себе. И строили эту дорогу в основном женщины. Девочки. Совсем юные, шестнадцати-восемнадцати лет.

Кирки, лопаты, тачки. Взрывы скал. Пыль, от которой не спрятаться. Руки в мозолях до крови. Спины, которые к вечеру не разогнуть. И никакой техники — только живая сила. Только хрупкие женские руки, которые заменили мужские на фронте.

«Отработали — свободны»

Когда закончили очередной этап строительства, начальство сказал: «Отработали — свободны. Езжайте домой».

Их привезли куда-то на транспорте — скорее всего, до ближайшего более-менее крупного села. А дальше: «Добирайтесь сами». И это примерно сто двадцать километров. Сто двадцать километров пешком через горы, перевалы, без карт, без связи, без денег. И — разумеется — ни о каком сухом пайке, ни о каких палатках, ни о каких, сопровождающих речь не шла. Отработали — свободны. Как хотите, так и добирайтесь.

Путь длиною в месяц

И они пошли.

Группа молодых девчонок, шестнадцати-восемнадцати лет. Среди них была и наша Апа. Они шли пешком от Кокпека до Малого Дехана — около ста двадцати километров по тем временам. Это сейчас на машине можно проехать за пару часов. А тогда — горные тропы, перевалы, камни под ногами.

Обратный путь занял почти месяц.

Месяц пешком по горам. Представьте себе: август или сентябрь, но в горах уже холодно по ночам. Скалы, ущелья, реки, которые нужно переходить вброд. И никакой дороги — так, тропы, протоптанные скотиной да редкими путниками.

Что они ели? Что находили. Дикie груши, ягоды, коренья. Где-то, может быть, удавалось выменять у случайных пастухов кусок лепёшки за какую-нибудь работу. Где-то выпрашивали на ночлег в дальних аулах — люди тогда были добрее, делились последним. А где-то просто жевали горькую траву, чтобы заглушить голод.

Где они спали? Прямо на земле, завернувшись в свои продранные ватники. Под открытым небом — если повезёт. В

расщелинах скал — если дождь. В брошенных шалашах — если находили. Иногда их пускали переночевать в сараи или на сеновалы сердобольные люди. А чаще — просто у костра, прижавшись друг к другу спинами, чтобы хоть чуть-чуть согреться.

Слёзы по ночам

Трудно представить, что им пришлось пережить. Ночью, когда костер догорал и холод пробирал до костей, девчонки плакали. Тихо. В голос — нельзя, стыдно, да и сил нет. Плакали, чтобы не слышали подруги. А утром вставали, затягивали потуже свои платки и снова шли. Просто шли.

Они шли через перевалы, где ветер сбивает с ног. Через ущелья, где каждый шаг может стать последним — сорвёшься, и никто не найдёт. Через высохшие русла рек и через холодные горные ручьи, где вода обжигает ноги ледяным холодом.

Их обувь — кто во что горазд: кирзовые сапоги, стоптанные до дыр, чарыки, лапти самодельные. Потёртые ноги, стёртые до крови. Они заматывали их тряпками и шли дальше.

Образ молодой Апы

И среди них — наша Апа. Маленькая, худенькая, со своими ста пятьюдесятью двумя сантиметрами роста. С тёмными, внимательными глазами, которые уже в шестнадцать лет смотрели на мир серьёзно и устало. Она шла молча, как умела молчать всю жизнь. Не жаловалась — не

потому, что не хотела, а потому что не привыкла. Просто шла. Шаг за шагом. Километр за километром. Гора за горой.

Где-то в пути она потеряла несколько килограммов — и так-то весила всего сорок. Но не сломалась. Не упала. Не осталась на обочине.

Потому что дома её ждали. Ждала мать Бал, ждал отец Усенбай, ждали сёстры. Ждал тот самый маленький аул Ашанохы, где она родилась на жайлау. Ждал Шалкоде, где она в детстве играла в ассыки и лазила по деревьям. Ждала земля, которая держала её, когда силы уходили.

Возвращение

Они дошли.

Через месяц девчонки ввалились в свои дома — грязные, худые, одетые в лохмотья, но живые. Апашка потом никогда не рассказывала подробно об этом пути. Наверное, слишком тяжело было вспоминать. Только иногда, в коротких фразах, прорывалось: «Трудно было... Голодно... Ноги стёрли до костей...»

Но она дошла. Выстояла.

Эта дорога — сто двадцать километров пешком через горы — стала одной из многих в её жизни. Но одной из самых важных. Потому что после неё она знала: она может всё. Может работать на тракторе. Может строить дороги в скалах. Может пройти сотни километров пешком, без еды, без сна, без надежды — кроме той, что живёт в самом сердце. Может выжить. И жить дальше.

2.2. Свадьба и война

«Украденная» красавица

Отец с Мамой поженились в **1941** году. В своих записях папа пишет, что его родители посватались — всё было по обычаю, чинно и благородно. Но семейные предания говорят иначе. Как часто бывает, народная память хранит

более живую, более смелую версию. Разумеется, это вполне возможна красивая легенда про любовь.

По обычаю, того времени, наш отец — Заманбек — просто **«украл»** красавицу, алып қашты. Увёз её из Ашанохы в Большой Дехан. Как в старинных казахских сказаниях: джигит увидел девушку, сердце загорелось, и он не стал ждать долгих переговоров и калыма — просто посадил на коня и увёз. А потом уже, по обычаю **кешірім сұрау**, всё сделали как положено: пришли сваты, зарезали барана, старшие дали благословение.

Так Қалихан стала женой Заманбека.

Долгая разлука

Долго им вместе жить не пришлось. Практически сразу же после свадьбы, (да и свадьбы как таковой не было, времена тяжелые были) в 1941 году отец ушёл на фронт. Грянула Великая Отечественная война, и Заманбек, как и миллионы его соотечественников, надел шинель и ушёл защищать Родину.

Он вернулся живым — и это уже было счастьем для всей семьи. Сколько матерей получили похоронки, сколько невест так и не дождались своих женихов. А наш отец вернулся. **Только не в 1945 году, а в августе 1946-го.**

Возвращение с войны

Вот как описывает отец своё возвращение в тех записях, которые дошли до нас:

«Мен 1946 жылы тамыз айында комиссиядан (жарадар жеріме байланысты) әскерден елге қайта оралдым. Елге келсем, халықтың тұрмыс жағдайы өте ауыр. Осы 1946 жыл жауын-шашынды болып, көктем мен жаз айлары астық пен шөпке қолайлы болған көрінеді. Менің ауылым Молотов атындағы колхоз деп аталатын. Түтін саны алпыстан аздана асады. Жұмыс істеп жүргендердің көпшілігі әйелдер. Еркектер — соғыстан жарадар болып қайтқан ақсақ-тоқсақтар. Олардың кейбіреулері ауру-сырқау. Ауылда да жағдай өте төмен. Дәрігерлік көмек мүлде жоқтың қасы. Бүкіл Кетпен учаскесінде (сол учаскеде 8 колхоз, 8 үлкенді-кішілі қыстақ бар)...»

Перевод:

*«Я вернулся из армии в августе 1946 года по комиссии (из-за моего ранения). Когда я приехал домой, жизнь людей была очень тяжёлой. 1946 год был дождливым, весна и лето оказались благоприятными для хлеба и травы. Мой аул назывался колхозом имени Молотова. Дымов (домов) чуть больше шестидесяти. Большинство работающих — женщины.

Мужчины — это вернувшиеся с войны раненые, хромые, больные. Условия в ауле очень плохие. Медицинской помощи почти нет. Во всём Кетпенском участке (в этом участке 8 колхозов, 8 больших и малых зимовок) ...» *

Отец вернулся с войны инвалидом, раненым. Но он был жив. А это главное.

Потери аула и семьи

Война не пощадила никого. С маленького аула ушло на фронт **почти 150 человек**. Это огромная цифра для нескольких десятков домов. Почти из каждой семьи ушли мужчины, и многие не вернулись.

Только из семьи отца — три человека: Батталхан, Заманбек, Болысбек. Три брата ушли на войну. **Болысбек пропал без вести**. Никто так и не узнал, где и как он погиб. Остался в памяти семьи как одна из тех безымянных потерь, которые война оставляет за собой.

Отца не застал

Отцовского тепла я почти не помню. Отца я не застал.

Он вернулся с войны, но фронтовые раны так и не отпустили его. Прожил после возвращения совсем недолго. И всё же главное — вернулся. Ведь сколько людей не вернулось вовсе...

Перед уходом на фронт отец однажды сказал мне:

— Знаю, что ты куришь. Закури при мне, пожалуйста...

Но я не смог. Так нас воспитывали — при отце нельзя было позволить себе лишнего, нельзя было переступить внутреннюю грань уважения. Тогда мне казалось, что так и должно быть.

Позже я много раз жалел об этом. Наверное, отец просто хотел увидеть, что его сын уже стал взрослым мужчиной.

После этого я его больше не увидел.

Вскоре после войны он ушёл из жизни — сказались фронтовые раны. Хоронила его моя жена, Калихан, практически одна. Из соседнего аула специально позвали плакальщицу — Маржан. Плакать и проводить по старому обычаю было почти некому: наша бабушка и многие старшие женщины рода ушли раньше.

Рядом была сестра отца — Адас, но Апа была келин, и вся тяжесть этих дней легла именно на неё. Совсем ещё молодая женщина, она не сломалась. Не сдалась. Выстояла.

Маржан апа потом несколько раз приезжала к нам на ГРЭС. Отец говорил:

— Это ваша бабушка.

Но мы с братьями так до конца и не поняли, кем именно она нам приходилась. Об этом в семье ходили разные рассказы и полулегенды, как это часто бывает в больших степных родах, где память хранится не только в документах, но и в человеческих словах.

2.3. Баурсаки в донских степях

Эту невероятную историю мой отец, Заманбек Батталханович, часто вспоминал на семейных застольях, когда мы собирались за большим столом. В его личных фронтовых записях, которые я бережно храню, этой встрече посвящено несколько страниц. Отец сам писал: «Эту историю я давно хотел рассказать, но всё никак не представлялось случая». Теперь, ради его внуков и правнуков, этот случай пришёл.

Наш отец ушёл на фронт в сорок втором году из родного колхоза «Молотов». Ауыл у них был совсем крошечный — всего шестьдесят две семьи. Жили небогато, но дружно, держали скот, лошадей. Его мама, наша Бабушка, была известной на весь район стахановкой, её даже выбирали депутатом. И вот из этого маленького ауыла на войну ушли сто двадцать три человека. Провожали парней всей деревней. С транспортом тогда было туго, на весь колхоз — одна-единственная старенькая машина. Шофёр Турсын Иманзаров и его помощник Кулбай Серкебаев эту полуторку берегли как зеницу ока и никому не давали, держали только для отправки призывников. Из нашей семьи на фронт ушли трое мужчин. И отец всегда тихо добавлял: «Из них в живых остался я один».

Своё боевое крещение он получил на Курско-Орловской дуге в составе 1-й гвардейской стрелковой дивизии. Время было отчаянное, оружия не хватало — на всю дивизию было всего три пушки мелкого калибра, а автоматы ППШ только-только начинали появляться. Учили ребят наспех, дней пятнадцать-двадцать, и сразу в бой.

Но самое настоящее чудо произошло с отцом в конце января 1943 года в Ростовской области.

Их полк ночью форсировал реку Дон. Чтобы лед выдержал танки и тяжелые машины, бойцы прямо на ходу

устилали его вязанками обычного камыша. Переправились без потерь и с боем освободили большое село Светич.

В это село взвод отца входил одним из последних, уже глубокой ночью. Представьте: темень, лютый мороз, зуб на зуб не попадает, а в танке ночевать невозможно — застынешь до утра. Солдаты ринулись искать ночлег, но все избы уже были забиты до отказа фронтовиками, негде было даже просто присесть. Отец со своими друзьями-танкистами долго кружил по тёмным улицам, и вдруг в окошке одного маленького дома мелькнул слабый лучик света.

Отец подошёл и постучал в стекло. И вдруг за дверью раздался девичий голос, который отчётливо произнёс по-казахски:

Әже, біреу есік қағып тұр... (Бабушка, там кто-то стучит...)

Отец застыл на месте. Январь сорок третьего года, промёрзшая донская степь, кругом война — и вдруг родная речь! Он рассказывал, что прямо там, на крыльце, у него из глаз хлынули слёзы. Он из последних сил закричал в закрытую дверь на родном языке:

Мен қазақпын! Есікті ашыңыздар! (Я казах! Откройте дверь!)

Из дома слышался глуховатый голос старой женщины:

Егер қазақ болса, тезірек аш есікті! (Если казахи — скорее открывай дверь!)

Дверь распахнулась, и они вошли вчетвером — отец и трое его русских друзей-танкистов. В доме было тепло и светло. Навстречу вышла пожилая Апашка, её шестнадцатилетняя дочка и сноха. Старушка подошла к отцу, обняла его и поцеловала как родного сына. Отец от такого тепла и нахлынувших чувств совсем смутился, обмяк с дороги и только тихо вымолвил: «Апа, я спать хочу...» Сноха постелила им на полу, и солдаты мгновенно уснули мёртвым сном.

Оказывается, в этих краях была целая казахская община. Ещё в двадцатом голодном году больше шестидесяти семей переехали в Ростовскую область из-под Астрахани, из Западного Казахстана, да так тут и остались. Мужчины их тоже все ушли на фронт, двое сыновей этой Апашки воевали на передовой. Женщины полгода провели в погребе, пока село было под немцами, и выжили просто чудом.

Утром отец проснулся и не поверил своим глазам. Будто он не на войне, а вернулся в родной дом. Вся их грязная солдатская одёжка за ночь была выстирана, заштопана и бережно поглажена. А посреди стола шумел горячий самовар, и на блюде высилась гора пышных, только что приготовленных баурсаков! Он чувствовал себя таким отдохнувшим, будто поспал в своём родном ауле.

Сноха, наливая отцу чай, плакала и говорила, как сильно она мечтает, чтобы война поскорее закончилась, и они смогли вернуться на свою историческую родину, в Казахстан.

Трое русских друзей-танкистов отца никогда в жизни не видели казахов, кроме него самого. Они сидели за этим столом, уплетали горячие баурсаки в промёрзшей русской деревне и круглыми от удивления глазами смотрели на это невероятное гостеприимство. Отец писал в дневнике: «Я был так горд перед ними за свой народ! Ребята потом ещё очень долго вспоминали эту ночь и рассказывали всем о широте казахской души».

К глубокому несчастью, война не щадила никого. Буквально через два дня после этой тёплой встречи, когда они выдвинулись дальше в сторону Киева, их танк попал под сильный немецкий обстрел. Машина загорелась. Весь экипаж — те самые весёлые русские парни, с которыми они ещё сорок восемь часов назад делили баурсаки и пили чай из самовара, — сгорели заживо внутри танка, так и не сумев выбраться из горящей машины.

Наш отец остался в живых один. Его, тяжело раненного, взрывной волной выбросило на землю. Его подобрала санитары и увезли в госпиталь в Полтаву, где он полтора месяца балансировал между жизнью и смертью. Там, в госпитале, его чудом разыскал земляк — помощник комвзвода Байсултан Баймагамбетов.

Отец выжил. Выжил, чтобы вернуться домой, вырастить нас и оставить эти воспоминания. Чтобы его внуки и правнуки помнили: даже в самые чёрные, ледяные дни войны человеческое тепло, родной язык и мамин баурсак могут спасти душу солдата. И где бы вы ни были, всегда оставайтесь такими же гостеприимными и открытыми, какими были те простые казахи в донской степи в сорок третьем году.

2.4. Женщина на войне и после неё

Тракторист в 16 лет

Когда началась Великая Отечественная война, ей было всего шестнадцать. Совсем девчонка — маленькая,

худенькая, ростом метр пятьдесят пять и весом меньше пятидесяти килограммов. Но война не выбирала, кто покрепче. Жизнь в один день перевернулась и сразу стала взрослой и невыносимо тяжелой.

Мама проводила на фронт мужа, свекра и младшего брата мужа. Мужчины ушли воевать, а дома в опустевшем дворе остались только она и маленькая Адас — младшая сестра мужа, совсем еще ребенок. С этого дня шестнадцатилетняя Апа осталась в доме за старшую. Ей пришлось стать и хозяйкой, и мужчиной, и женщиной сразу.

Я много раз пытался мысленно поставить себя на её место: ну что могла чувствовать эта юная девочка? Конечно, ей было страшно. Одиноко до слез. Но плакать и горевать времени просто не было — фронту нужен был хлеб. Мужчин в поле заменять было некому, и Апу после коротких, спешных курсов посадили на трактор, а позже — и на комбайн.

Вы только представьте эту технику тех лет: тяжелая, старая, грохочущая, без какой-либо кабины — открытая всем ветрам, пыли и палящему солнцу. Во многих местах техника была очень тяжёлой в управлении:

без гидроусилителей,
без кабин,
запускалась вручную,
часто ломалась,
работали по 12-16 часов.

Думаю, она работала на Универсал, это один из самых массовых довоенных тракторов. Небольшой колёсный трактор для пахоты, посева, культивации.

Она была маленькой, хрупкой, но железные рычаги слушались её рук. Летом в степи жара стояла такая, что воздух дрожал, пыль забивала глаза, рот, горло. Руки у женщин постоянно были в черном мазуте и глубоких, болящих трещинах, которые не успевали заживать. Днем они пахали и сеяли, а ночью — сами же эту технику и ремонтировали. Если мотор не заводился, девчонки вдвоем-втроем наваливались и крутили тяжеленный маховик до полного изнеможения, пока руки не отказывали. Бывало, что со всеми этими ремонтами работали почти до самого рассвета.

Но полем её день не заканчивался. Дома, после изнурительной смены, ждали дела — печка, ошак, ведра с водой из оврага, забота о маленькой Адас.

А еще по вечерам женщины аула собирались вместе. Уставшие, еле живые, при тусклом свете керосиновой лампы

они принимались за другую работу для фронта. Вязали теплые шерстяные носки, рукавицы с отдельным пальцем для стрельбы, шили плотные телогрейки, собирали посылки. Отправляли всё это на передовую — своим родным и совсем незнакомым бойцам, лишь бы им там, в окопах, было капельку теплее.

И, конечно, они писали письма. Писали при той же лампе, выводили строчки натруженными, почерневшими от солярки руками. Писали о простых вещах: что дома всё в порядке, что хлеб зреет, что все живы и очень-очень ждут их возвращения. В письмах всегда старались не жаловаться на голод и адский труд — берегли покой своих фронтовиков, не хотели их тревожить.

А написав — ждали ответа.

Наверное, самым страшным испытанием в ауле был приход почтальона. Его появления и ждали, и смертельно боялись одновременно. Стоило почтальону с брезентовой сумкой показаться на улице, у всех замирало сердце. Люди застывали и смотрели: к чьему дому он повернет? Если заходил во двор — дышать переставали. Ведь вместе с долгожданным треугольником письма он мог вытащить из сумки и страшную серую бумажку — похоронку. И этот постоянный, глухой страх жил в маме каждый день.

Я до сих пор так и вижу её молодой — в простом платке, смертельно уставшую после поля, с вьевшейся в кожу тракторной соляркой. И этот взгляд, устремленный на дорогу в вечном ожидании: живы ли они там? Вернутся ли?

О войне мама всегда рассказывала очень мало, неохотно. Люди её поколения вообще не умели жаловаться на судьбу и никогда не говорили громких слов вроде «подвиг» или «героизм». Они просто жили, держались друг за друга и делали то, что должны были делать, чтобы выстоять.

Но чем старше я становлюсь, тем яснее понимаю, какой великой и непреклонной была эта их тихая, ежедневная женская сила. Мама не держала в руках винтовку, не ходила в атаку. Но без нее, без таких же девчонок-трактористок, не было бы ни хлеба в стране, ни тепла на фронте, ни самой нашей Великой Победы. Навсегда сохраню эту память в своем сердце.

Ее фото на тракторе нет, не до фотографий бфло в это время. Я ее представил так, немного пафосно конечно, но все таки.

Апа во время войны
закончила курсы
механизаторов и работала
трактористом-комбайнером.
В шестнадцать лет.
Трудно представить,
что ей пришлось пережить:
днём — тяжёлый труд
тракториста в поле,
вечером — семья, быт,
голодное время.
Всё для фронта,
всё для Победы.
Она была маленькой,
хрупкой, но железные
рычаги слушались
её рук.
Ей было 16 лет.
Она — казашка.

Дороги в скалах

Потом её отправили на строительство дорог. Тех самых, которые связывали тыл с фронтом, сёла с городами, жизнь с жизнью. Она строила дорогу Алматы — Чунджа, участок в районе села Кокпек. Дорогу в скалистом грунте, где каждый метр давался взрывами и кровью.

И эта история уже рассказана нами в предыдущей главе. О том, как девочки строили дороги. О том, как шли пешком через горы. О том, как выживали там, где выжить было почти невозможно.

С детьми. Без мужа. В послевоенной разрухе, когда не было ни нормальной еды, ни одежды, ни уверенности в завтрашнем дне. Но она держалась. Держала дом, держала детей, держала память о муже.

Она никогда не жаловалась. Никогда не просила помощи. Просто делала то, что должна была делать: работала, растила детей, хранила очаг.

2.5. После войны: как начинали с нуля

Война кончилась. Но жизнь после войны была, наверное, даже тяжелее, чем во время неё. Разруха, голод, отсутствие самого необходимого. И нужно было не просто выжить — нужно было жить, работать, растить детей, строить будущее.

Секретарём сельсовета — почти ребёнком

Отец мой, Заманбек, ещё до войны, несмотря на свой юный возраст, работал секретарём сельсовета. Почти нештатным, но всё же. А после войны, вернувшись с фронта раненым, он искал работу. Через фронтовых друзей и местных знакомых узнал, что есть вакансии военрука в школе в селе **Дубун**. Поехал туда.

Там, в Дубуне, родился их старший сын — **Бекболат**, первенец. На его день рождения выдали немного муки — по карточкам, по блату, по знакомству, неважно. Апа испекла хлеб. Вот так — кусок хлеба, испечённый своими руками в трудное послевоенное время, — и стал праздником. Отпраздновали, как могли.

Учитель, директор, студент

Потом отец вернулся в родное село учителем. Работал в школе. А в **1949 году** поступил в КазПИ — учительский институт. Но дорога к этому была непростой.

Сначала он сдал документы на юрфак КазГУ. А потом пошёл в гости к дяде **Даулету Алимжанову, Даукен ага** — уважаемому человеку, благодаря которому получили образование многие люди Алматинской и не только области. Там он встретил (по-моему, это был **Касым Аманжолов**, за точность не ручаюсь, но память подсказывает так) человека, который сказал ему простые, но веские слова:

Нужны учителя. Фронтовики. Надо людей учить.

И отец забрал документы из юрфака и поступил в КазПИ. Стал учителем. Потом вернулся в родное село, потом работал в селе **Кольжат** директором школы. Там родился один из авторов этой книги — **Аманбек**.

«Гарнитур» от Тепешина

Когда Папа с Апой поженились, и он вернулся с фронта, у них не было **практически ничего**. Ни дома, ни мебели, ни посуды — ничего, что составляет быт и уют. Сегодня люди говорят о гарнитурах, о дизайне, о технике. А тогда...

В Кольжате, где отец работал директором школы, был завхоз. Все звали его **Тепешин** — по-русски, с ударением на первый слог. Кажется, фамилия его была **Типичин**, но для всех он навсегда остался Тепешиным. Русский человек, единственный на шесть-семь сёл. Он сделал им маленький шкаф и пару стульев.

Это был их **первый гарнитур**. Он долго был у меня на даче, какое качество. Я его отремонтировал и мы им

пользовались. Потом у переехал в Астану, дача перешла к брату и дальнейшую судьбу «Гарнитура» от Тепешина я не знаю.

Представляете? Шкаф и два стула — вот и вся мебель в доме молодой семьи. Директора школы. Но это уже было богатство. Своё, родное, сделанное добрыми руками.

Съёмные квартиры и первый дом

Всё время они жили на съёмных квартирах, в маленьких комнатках, которые снимали у чужих людей. И первый собственный дом у них появился только в селе **Чунджа**, где отец работал в райисполкоме. Маленький домик, своя крыша над головой.

В этом доме они прожили до **1964 года** — до переезда в Панфилов (сейчас Жаркент). В Чундже родилась **сестра Салтанат** — единственная девочка. Папа всё смеялся, называл её **«арпаның ішіндегі бір бидай»** — одно зёрнышко пшеницы среди ячменя. Там же родились Еркнат и Болысбек. А в Талгаре родился младший — **Бахыт**.

Папа на работе, мама — дома

Отец работал много. Уходил рано, где-то в семь утра, возвращался после девяти вечера. Все остальное делала **Апа**. Дом, дети, хозяйство, быт — всё на её плечах. И она никогда не жаловалась. Просто делала.

Дом всегда был полон гостей. Отец мог привезти их неожиданно, без предупреждения. И мать принимала всех с улыбкой и радушием. Доставала последнее, накрывала дастархан, угощала. Никто не уходил голодным.

Кәри Мама — Нурбола

Особенно помню начало 1960-х, когда открыли границу с Китаем. У нас во дворе жили десятки людей — ближние и дальние родственники, которые приезжали оттуда, с той стороны. И всех их кормила, отмывала, обстирывала и даже некоторых одевала **Апа**.

И её неизменная помощница — **Кәри Мама, Нурбола**. Она была супругой покойного Бабай батыра. И была родом из **Ағымсары** — то есть приходилась сестрой по роду нашему отцу. Женщина удивительной доброты и трудолюбия, она всегда была рядом с Апой в эти трудные годы. Вместе они управлялись с домом, с гостями, с детьми.

Верная и любящая

Про отца написано много книг. В них рассказывается о его делах, о его карьере, о его встречах с известными людьми. Но за всем этим всегда стояла **она** — наша Апа.

Везде, во всех этих книгах, она просто упоминается как «жена». Но за этим простым словом — целая жизнь. Она несла все тяготы и лишения. Она была верной и любящей. Она создала тот тыл, без которого никакая карьера невозможна. Она была тенью, которая держала свет.

3. Дом и семейные традиции

3.1. Родительский дом на ГРЭСе

Наша мама, Апа, хорошо знала казахские обычаи, приметы и старинные семейные традиции. Особенно это чувствовалось во время свадеб, проводов невесты, рождения детей и других важных событий. В нашей семье была добрая традиция — все большие семейные торжества проходили в родительском доме при ГРЭС. Именно там собирались родные, звучали песни, смех детей и неспешные разговоры старших. Дома на ГРЭСе хранятся фотографии юности Апашки.

Когда родители были живы, наш дом никогда не пустовал. Один ребёнок плачет, другой смеётся, кто-то бежит по двору, кто-то просится к деду на руки. Апа в такие минуты словно светилась тихой радостью. Она любила, когда вся семья собиралась вместе.

Сейчас многое изменилось. Люди живут в городах, реже собираются большими семьями, дети растут уже в другом мире. Но чем старше становишься, тем сильнее понимаешь, какую огромную силу хранили в себе простые слова наших стариков, атмосфера родного дома и уважение друг к другу.

Когда все внуки приезжали на ГРЭС, дом превращался в большую игровую площадку — мини-«Бэбилон». Дети шалили, снохи пытались их успокоить, ругали своих детей, кто-то слегка шлёпал по попе — но всё напрасно. Каждый ребёнок, на кого ругались, резко смотрел на Апашку и, видя её невозмутимое, спокойное лицо, дальше продолжал свои шалости. Если Апашка молчит — значит, всё нормально. Лицо её никогда не показывало недовольство. Она спокойно смотрела на шалости детей, и мне кажется, ей даже это нравилось. Часто можно было слышать из её уст: в доме, где есть детский смех — это к благополучию и достатку.

Казахи всегда говорили: «Балалы үй — базар, баласыз үй — мазар» (Дом с детьми — словно базар, дом без детей — словно пустой мазар). И действительно, дом наших родителей был именно таким — шумным, живым, тёплым.

Круглый стол — жазы

В детстве мы, все братья и сестра Салта, жили в одном доме. Мы, как маленькие щенки, всё время кружились вокруг круглого стола и тесно старались прижаться к нашей маме. Годы шли, но наш круглый стол — жазы — до сих пор стоит в родительском доме, напоминая наше детство, наше родовое гнездо. Здесь мы учились жить, слушали назидания отца, мамины любимые пословицы и поговорки.

Круглый стол был не просто предметом мебели. Это был центр дома, место, где собиралась вся семья. За ним пили чай, ели, спорили, мирились, рассказывали новости, слушали старших. И Апа всегда сидела во главе этого стола — не потому, что это было её место, а потому что без неё стол казался пустым.

Апа и семейные традиции

Казахский народ с древних времён бережно относился к рождению ребёнка. С этим событием связано множество красивых обычаев: шілдеhana, сүйінші, наречение имени, укладывание в бесік, разрезание пут, празднование сорокового дня малыша и другие. Наша мама никогда не относилась к этим обрядам как к простой формальности. Она понимала их глубокий смысл — уважение к жизни, к ребёнку, к памяти предков.

Для каждого казаха привести в дом невестку всегда считалось большой радостью. К таким событиям родители готовились заранее. Отец и мать всё продумывали до мелочей, советовались со старшими, распределяли обязанности. Праздники проходили шумно и весело — с гостями, песнями, шутками и добрыми пожеланиями.

Наша мама старалась передать уважение к семейным традициям и своим невесткам — Айнур, Ризат, Ольге, Салтанат, Рысалды, Асии, Райхан, Гаухар, Гулайым, Айгерим, Аккамеш, которые являются последователями наших традиций.

Она вообще умела сохранять в доме особое тепло. Казалось, мама всё успевала: встретить гостей, накрыть дастархан, успокоить детей, поддержать старших и никого не обделить вниманием.

Недаром старики говорили: «Мужчина — голова, женщина — шея». Теперь, вспоминая Апу, я всё больше

понимаю смысл этих слов. Отец был главой семьи, человеком строгим и уважаемым, но именно мама держала на себе весь внутренний мир дома — уют, порядок, отношения между людьми и семейное согласие.

В нашей семье очень сильно соблюдается древний обычай Әдет — приличие, установленный Апашкой. Соблюдение приличий как старшими, так и младшими всегда у нас обязательно. Чётко определена роль каждого — келін, күйеу бала и других. Сохранение семьи и семейных ценностей — главное в нашей семье, и старшие за этим строго следят.

Бесік и материнская память

Особенно тепло вспоминается бесік — казахская колыбель. Когда-то мама качала в ней нас, своих детей, пела колыбельные песни. Под эти тихие напевы мы росли, засыпали, слушали её голос. И сегодня та самая колыбель всё ещё хранится в нашем доме как дорогая семейная память.

Әлди-әлди, ақ бөпем,

Ақ бесікке жат бөпем...

С годами начинаешь понимать: вещи тоже умеют хранить тепло человеческих рук.

Дом, где берегли традиции

В нашем доме всегда любили гостей. Апа говорила: «Вместе с гостем в дом приходит береке». Недаром казахи говорили: «Қонақ келсе — құт» (Гость пришёл — благодать пришла). Даже в трудные времена на дастархане всегда находилось место для человека.

Старшие учили: сначала налей чай старшему, подай мясо гостю, выслушай человека до конца. Тогда это казалось обычными вещами. А позже понимаешь — именно так воспитывается уважение.

Наша Апа старалась передать уважение к семейным традициям и своим невесткам. Но делала это не нравоучениями, а собственным примером. Апашкины методы воспитания, поведения среди подруг и сверстниц, общения с невестками, встреча гостей разного уровня — от рабочего до руководителя страны. Это всё культура нашего народа, воспитанная несколькими поколениями.

Как говорил Сакен ага Таникеев:

«Есік ашық үлкенге — кішіге де»,

«Барға риза Пайғамбар көңіл берсе»,

«Бір төға боп Қалихан от басында»,

«Қысылмайды үйіне келгендер де»,

«Шын көңілмен тарады дәмін тұзың».

Апашка и лошади

Она очень любила лошадей, могла долго рассказывать о них, при этом глаза её наполнялись теплом, искорка из них так и готова была выскочить из глазных орбит. Значимость коня для казаха была бесценна.

На 75-летие нашего отца Илийский район подарил прекрасного жеребца — чёрного, высокой породы. Про этого коня все мы видели и знаем. Только Апашка отнеслась к этому, как всегда, спокойно и просто. Помню, она сказала: «Атты сақтандар, бұл халықтың қадыры, бүкіл біздің тарих осыдан» (Берегите коня, это честь народа, вся наша история в этом). Простые слова, но сколько сакрального в них.

Как вспоминает Болысбек: «Аманбек — самый умный и читающий из нас — сразу оценил цену подарка. Он занимался вопросами устройства, паспортизации и многими другими очень непростыми и затратными вопросами. Рахмет Аманбеку. Отец высоко оценил вклад брата в это дело.»

Апашка и семейные обряды

Только за счёт таких истинно хранящих духовное наследие казахов, настоящих Апашек, наш народ не лишился истории кочевой цивилизации. Никто не смог вытравить из памяти сакральную значимость многих наших традиций, например, по отношению к коню. Многие ритуалы, связанные с лошадью, такие как Байлау (первая дойка кобыл), Айғыр қосу (присоединение айгыра к табуну), Қымыз мұрындық, празднование первого майского кумыса — мы переняли и узнали их только благодаря стараниям наших Апашек, наших матерей.

Она чётко соблюдала древний обычай «Баурына салу» — передача ребёнка на воспитание дедушке и бабушке. Это наша народная традиция, когда ребёнка отдают на воспитание дедушке и бабушке или очень близким родственникам. При этом его не удочеряют и не усыновляют, как это бывало у других народов, не дают чужую фамилию, а просто поддерживают с его родителями постоянные отношения. Ребёнок, повзрослев, может остаться с дедом и бабушкой, а может вернуться к родителям.

Когда Бекболат жил у Усенбай ата, Апашка никогда не называла его «балам» или «мой сын». И поэтому старшего сына, первенца, родившегося 17 мая 1947 года у Апашки-Қалиқан и отца Заманбека, назвали Бекболатом.

Наш брат Бекболат считался их братом и сыном Усенбай ата, а на самом деле он — первый сын Заманбека и Калихан. Это подтверждаю Болысбек, сын Заманбека, так же

в своё время переданный младшему брату отца Болысбеку, герою Великой Отечественной войны. Они с Беке своим присутствием решали многие бытовые проблемы двух семей. Так и у нас Бекболат вернулся к нам. Правда, он почему-то называл отца «Заке», а мать «Калихан», но это его право.

Отношения и воспитание

Отношения с мужем

Заманбек и Қалихан в жизни были вместе, переплелись их исторические корни, общались между собой как близнецы. И главное их величие — это мы, потомки. Это две великих исторических личности, по крайней мере для всех Батталхановых и Үсенбаевых. Если мы говорим Заманбек — подразумеваем Қалихан, если говорим Қалихан — имеем в виду Заманбек. Только так и никак больше.

Они даже когда немного ссорились, то это было видно со стороны, что они разыгрывают юмор, а потом оба широко, так открыто смеялись.

Апашка никогда не называла Аташку по имени, она обращалась к нему с уважением «кісі». Мы не помним, чтобы отец поднимал голос на Апашку, а она в свою очередь обращалась к отцу «Сіз», «Ол кісі». Естественно, здесь же была наша Апашка, которая своим присутствием, я думаю, поддерживала отца в такие ответственные моменты высокого интеллектуального общения.

Из воспоминаний старшей внучки Майгуль: «Апашка никогда Аташку не называла по имени, она обращалась к нему с уважением "кісі"».

Из воспоминаний старшего внука Тұңғышбека: «Аташка и Апашка вместе прожили, по их словам, долгую и счастливую жизнь... видели много трудностей, но больше всего они вспоминали приятные моменты, и всегда с благодарностью. Они всегда хотели, чтобы мы были сплочёнными и дружными».

Встречи Апашки рядом с Аташкой с известными людьми страны. Наш папа в силу своей работы на разных должностях часто встречался с различными известными личностями страны. Это были первые лица в стране, республике, корифеи науки, культуры, литературы и искусства. В Москве он встречался за дастарханом с Чингизом Айтматовым, Расулом Гамзатовым, Кугультиновым, Мустаем Каримом, Қалтаем Мухаметжановым. Отец, как всегда, своей эрудицией вызывал удивление и уважение гостей.

Поэтому Туманбай Молдагалиев написал про нашу Апашку такие слова, обращаясь к отцу: «Жалғанда жаны жомарт кісі» — Қалихан жеңешемнің сүйіктісі.

Язык и воспитание детей

Главный Апашкин козырь — что все мы говорим, пишем, читаем на родном языке. Не каждая интеллигентная семья в Алма-Ате могла себе этого позволить. Её политика в области изучения родного казахского языка: всё начинается в семье, «үйде балалармен сөйлеңдер». Конечно, многие скажут: «все так детям говорят». Да все, и мы знаем, слышим, видели не раз. Но результат налицо. И главное, хотя все мы закончили русскую школу, все мы неплохо говорим и пишем на родном казахском языке.

Апашкины методы воспитания: изучение казахского языка в семье, обращение к супругу, поведение среди друзей и сверстниц, общение с невестками, встреча гостей разного уровня — от рабочего до руководителя страны. Это всё культура нашего народа, воспитанная несколькими поколениями, идущая из глубины веков и сохранённая нашими женщинами-казашками, как наша Апашка. Дети выросли достойными гражданами. Мы — дети Апашки, её надежда и опора. Мы все пили с одной руки — руки нашей Апашки.

Апашка о воспитании девочек

Она часто говорила про своих дочерей: сегодня это дети, завтра — уважаемая невеста, потом — почитаемая мать. Вот простая теория жизни для девочек от нашей Апашки. Она с детства давала незаметные уроки: умелого ношения нарядов, соответствующего поведения, чтобы держалась достойно, уважала старших («алдынан өтпе»), отношения к младшим. Делала это незаметно, но с ненавязчивым постоянством.

Она говорила: девочку до 6 лет балуй, люби, играй с ней; до 16 лет учи труду и домашним делам; после 16 стань подружкой.

3.2. Из книги Б. Батталханова «Апа», 2016 год Шумный «Бэбилон» на ГРЭСе, или наше золотое племя

Давайте теперь вернемся в наш большой родительский дом на ГРЭСе и поближе познакомимся с внуками и внучками Апашки.

Когда все они съезжались в гости, дом моментально превращался в огромную игровую площадку — своего рода мини-«Бэбилон». Детский хохот, топот, крики, которые через минуту сменялись плачем, потому что кто-то с кем-то подрался, а потом снова дружный смех... Весь дом переворачивался вверх дном, игрушки и вещи были раскиданы, стоял невообразимый бардак.

Наши снохи, конечно, пытались навести порядок: ругали сорванцов, кто-то слегка шлепал своего по попе, пытаясь успокоить, но всё было напрасно. Каждый ребенок, на которого прикрикивали мамы, резко оборачивался на Апашку. И видя её абсолютно невозмутимое, спокойное лицо, с чистой совестью продолжал шалить дальше. Принцип был простой: раз Апашка молчит — значит, всё нормально, закон на нашей стороне! Если в такие моменты посмотреть на маму, её лицо ни разу не выдавало недовольства. Она с тихой радостью наблюдала за этим хаосом, и мне кажется, ей это искренне нравилось. Она часто повторяла: «Дом, где не умолкает детский смех, всегда будет полниться благополучием и достатком».

Асылбек — ученый-практик с характером бойца.

Многие в нашей семье считают, что Асылбек был самым любимым внуком Аташки и Апашки. Наверное, так оно и есть. Просто потому, что Асылбек жил на ГРЭСе возле стариков дольше остальных. Я в шутку зову его «Цацой» — за то, что он у нас ученый-практик. Асылбек написал несколько серьезных научных книг, имеет большой авторитет в ученом мире, его избрали членом-корреспондентом Национальной академии транспорта и коммуникаций. Именно он стоял у истоков внедрения и строительства газового оборудования и заправок в Алматы. Его книга «Метан на транспорте» — один из первых в Казахстане трудов о важности перевода машин на сжатый газ ради экологии наших городов. Она и сейчас есть во многих библиотеках и в интернете.

Асылбек удивительный: он может в один момент круто изменить образ жизни, работу, квартиру, машину — и оставаться при этом абсолютно спокойным, невозмутимым. Кстати, как и его младший брат Тошка (Алибек), он часто называет родителей просто по именам — Аманбек и Райхан, потому что они оба чувствуют себя полноправными детьми Заманбека и Калихан.

Женился Асылбек на прекрасной девушке Ризат, дочери известного государственного и общественного деятеля Советжана Ермекбаева. Мы ведь все из одних краев и одного рода. Ризат — очень воспитанная, глубоко образованная девушка, достойная дочь своей великой матери, Камаш-тате. Вместе они воспитывают троих детей: двух очаровательных девочек, Акмарал и Айганым, и сына Динмухаммеда.

Старшая, Акмарал — копия своего отца. Скромная, отлично учится, и мы верим, что в будущем она еще украсит историю нашей семьи большими достижениями. Айганым — это наш прирожденный дипломат и круглая отличница, я прямо вижу её большим специалистом в этом деле. Мы её любя в шутку зовем Олегом — хоть она и девочка, но характер у нее твердый, мальчишеский. Ну а младший сын — Динмухаммед, Димаш, и этим всё сказано. Он родился в год столетия Динмухаммеда Ахмедовича Кунаева. Аманбек, как и положено по нашей традиции «ат қою», дал ему это имя по совету старшего брата Бекболата. Я тогда спросил Аманбека: «Не боишься такую ответственность на мальчика возлагать?» А он, подумав, твердо ответил:

— Думаю... да нет, уверен — оправдает!

— Ты молодец, — сказал я.

— Я верю в него и сделаю всё, чтобы он вырос настоящим человеком. Но, конечно, всё в руках Аллаха.

Если его дедушка Аманбек будет здоров, то благодаря его поддержке и воспитанию так оно и будет. Да и если Димаш унаследует отцовский характер и будет таким же нестигаемым, как Асылбек, у него точно всё получится. Асыл ведь у нас невероятно упорный: если поставит цель — расшибется, но добьется своего. Был случай, когда у него в Америке закончились деньги. Он не стал никому звонить, просить помощи или жаловаться, а просто устроился таксистом, сам заработал и на пропитание, и на обратную дорогу. У Асылбека вообще редкое качество — он всегда готов прийти на помощь и никогда, ни при каких обстоятельствах не сдает своих позиций.

Алибек — добряк и защитник

Младший брат Асылбека, Алибек — добрый, надежный парень, любимец всех друзей. Он с самого детства был невероятно коммуникабельным, авторитетом во дворе. Помню, лет в пять он важно говорил старшему брату: «Асылбек, если тебя во дворе кто-нибудь обидит — только скажи мне, я пойду и разберусь!»

Для Апашки он, наверное, тоже был особенным внуком. Когда дети шумной гурьбой приезжали на ГРЭС, Апашка частенько тихонько уводила Алибека в другую комнату и тайком совала ему в кулачок курт или конфету. Наш отец (Аманбек) всегда вспоминал одну историю из их детства. Как-то раз он взял Асылбека и маленького Алибека с собой на охоту в степь, и там сломалась машина. Завести её не получалось, надо было идти пешком до домика егеря. Асылбек, хоть и был маленьким, сразу принялся помогать водителю крутить гайки, но при этом по-детски хныкал: «Пить хочу, есть хочу...» Отец пошел к егерю и взял с собой младшего, Алибека. Егерь встретил их, накормил, а Алибек тихонько взял со стола пару пирожков и спрятал в карман. Отец спросил: «Ты зачем взял?», а тот ответил: «Это брату, он там голодный остался».

Отец потом всю жизнь ставил его в пример: «Вот, маленький Алибек дошел со мной через степь, ни разу не заплакал, да еще и про брата не забыл». Он и вырос таким — удивительно добрым и заботливым.

Женился Алибек на красавице Султанат, внучке Спакула Малдыбекова — известнейшего в Южно-Казахстанской области человека, который долгие годы возглавлял один из крупных районов. Его именем названа

улица в г.Туркестан, школа, сцена в одном из районных театров.

Отец Салтанат, Жусип Тойлыбаев — известный бизнесмен, занимается хлопком. Сама Салтанат была не просто красавицей и умницей, но и великолепной хозяйкой, настоящим стержнем и основой своей семьи. Где бы она ни работала — в банковской сфере или в системе «КазМунайГаза» — везде получала только лучшие отзывы за свой профессионализм, трудолюбие и редкие человеческие качества. К огромной нашей общей скорби, Салтанат рано ушла из жизни, она похоронена в Астане...

Алибек сейчас воспитывает дочь Саулеш и двух сыновей — Биали и Алижана. Главная черта этих детей, которая сразу бросается в глаза — это невероятная доброта, доставшаяся им от родителей. Спортивная Саулеш, аккуратист Биали — они, как и их папа, всегда готовы поделиться последним, хоть конфетой, хоть игрушкой. В них нет ни капли детской жадности.

Тимур — наш интеллигентный «Тимеке»

Тимур — всеобщий любимец, очень тонкий, интеллигентный, даже немного застенчивый парень. Папа с мамой его с малых лет никогда не звали просто по имени — только уважительно «Тимеке». Он, конечно, как и все внуки, безумно любил Апашку, но его любовь была какой-то особенной — очень светлой, хрупкой и трепетной. Наверное, за эту душевную зрелость его и прозвали Тимеке. О том, как сильно его любят в семье, говорит один факт: на его свадьбу съехались практически все братья и сестры, со всех уголков.

Тимур — огромный трудяга, любое дело доводит до победного конца. Он окончил Казахский политехнический институт — точно так же, как наш Папа (Асылбек) и его собственный отец, причем получил ту же самую специальность. Потом учился в Малайзии, в филиале Стаффордширского университета. Сейчас работает системным администратором в крупной компании.

Его супругу зовут Ақамеш. Выше в шежире я уже писал, что наша прабабушка Дамели была из славного рода кыпшак. И вот, спустя много-много лет, в нашу семью снова вошла сноха-кыпшачка. Мы видим в этом очень хороший, добрый знак. Камеш — очень воспитанная, самостоятельная и целеустремленная девушка, прекрасная хозяйка. В Астану она когда-то приехала совсем одна, без родных и знакомых, сама устроилась на работу и всего добилась своей головой. Её родители, Сарсен и Сауле, живут в Аркалыке: папа трудится

в коммунальном хозяйстве, мама — школьный учитель. А её дядя Кенжетай (бас кұда Аманбека и Райхан) — главный имам Петропавловска. 0447 Сейчас наиб Муфтий№

Тимеке и Камеш воспитывают двух дочек — Адель и Адину. Маленькая Адина — самая младшая внучка Аманбека, он ласково называет её «менің Кенжетайым» (моя самая младшенькая).

Наша надежная опора и знаменитые субботники

Вообще, Майгуль, Тунгышбек, Айгуль, Асылбек, Арман, Алибек, Бакберген, Гульзат, Айзат, Акерке, Тимур, Олжас, Санат, Ернат, Адилхан — это главная опора и поддержка во всех наших семейных делах и мероприятиях. Они — монолитный фундамент семьи Батталхановых. Пусть другие родственники не обижаются, но если случается что-то важное, все сразу вспоминают именно об этой надежной гвардии.

Когда Аташка с Апашкой жили на ГРЭСе, у нас была незыблемая традиция. Отец собирал всех внуков, приехавших на выходные, и устраивал большие домашние субботники. Наш отец был убежденным коммунистом, так что любая общественная инициатива моментально внедрялась в домашних условиях. Все внуки без исключения проходили эту так называемую «трудовую повинность». Но что самое интересное — дети участвовали в этом с огромным азартом и удовольствием, трудовой порыв всегда просто зашкаливал!

Отец усаживался на знаменитую деревянную скамейку во дворе и внимательно, с прищуром следил за работой каждого. Это была его личная школа труда. Внуки, шутя и подкалывая друг друга, весело махали метлами и лопатами. И вот представьте картину: идет монотонная работа, все дружно, согнувшись, что-то гребут или копают, и только наш Арманчик стоит посреди двора в полный рост и в красках рассказывает один анекдот за другим. Дед с лавочки всё прекрасно видел, но лишь мягко улыбался в усы, делая вид, что ничего не замечает. Он ведь зрил гораздо глубже нас. Самое поразительное, что никто из работающих братьев не возмущался, никто не кричал: «Ара, ты почему филонишь?!» Все молча вкалывали, слушали его рассказы и громко хохотали, совершенно не замечая, что Арман за весь субботник палец о палец не ударил. Вот это редкое умение моментально найти свое место в жизни и стать душой компании, никого при этом не обидев — главная черта характера нашего Армана.

Арман — жиен со стальным характером

Арман — первый «жиен немере» (внук от дочери) нашего отца и Апашки. В народе ведь не зря говорят, что все лучшие достоинства и таланты передаются жиенам от нагашы (родственников по материнской линии). Так оно и вышло. Арман внешнестью пошел в нашего отца — высокий, статный, очень умный и талантливый. Он четко знает, чего хочет от жизни, и прет к своей цели как трактор, уверенно сметая любые преграды. Он сам учился этой жизни и всегда сам решал все свои проблемы. Арман никогда в жизни не покажет, что ему тяжело, и никогда не станет просить о помощи.

На его долю выпала непростая мужская судьба: мало того что он старший среди внуков, так ему еще пришлось заменить отца для своих младших братьев и сестренки Маншук. И надо сказать прямо — он блестяще справился с этой тяжелой миссией. Да, его не всегда и не все понимают, ведь он тоже живой человек, у которого есть свои слабости и которому тоже иногда хочется человеческой жалости и тепла. Конечно, если бы его отец Канат был жив, детство нашего Армана продлилось бы чуть дольше...

Профессионально Арман — сильнейший юрист по гражданско-правовым вопросам и сложнейшим хозяйственным спорам между юридическими лицами. В межгосударственных юридических коллизиях он тоже разбирается как бог, если я правильно выражаюсь в терминах. В своей сфере Армана прекрасно знают, уважают и, честно говоря, побаиваются. Правда, как это часто бывает с сильными мужиками, в какой-то момент его сильно подвел тыл — случился тяжелый удар под дых, и он на время выбыл из колеи. Сидел, выражаясь футбольным языком (а футбол — его любимый спорт), на скамейке запасных. Но он выстоял! Сейчас Арман снова на игровом поле. Пока, правда, в роли полузащитника, но мы твердо верим, что очень скоро он снова станет центральным нападающим под своим законным номером «10».

Кстати, своего сына он назвал Заманханом — это имя придумала Салта. Вдумайтесь: «Заман» — это в честь Заманбека, а «хан» — в честь Калихан. Только Бахыт с Салтанат догадались таким красивым образом увековечить имена наших родителей в своих детях. Арман в детстве проводил с Апашкой очень много времени и безумно её любил. Свою дочь Арман назвал Рапия, это имя нашей родной бабушки.

Творческая душа Маншук и младшие братья

Говоря о детях нашей Салты, мы обязательно должны остановиться на Маншук — нашей настоящей гордости и модели, как по жизни, так и по образованию. Ей передан удивительный художественный талант от отца — она потрясающий художник. Из Маншук получился бы пейзажист или портретист мирового уровня, но она выбрала свой собственный путь в жизни, и этот выбор мы глубоко уважаем.

Маншук — очень красивая, умная, не по годам серьезная девушка. Она сама ставит себе жизненные задачи, и сама же их твердо решает, абсолютно ни от кого не завися. При этом от нее исходит море тепла: она думает буквально обо всех родственниках, искренне заботится о каждом и всегда старается помочь делом. На таких чистых людей счастье обычно падает внезапно, в один день, и огромными кусками. У нее растет сын Арлан.

Ну а два младших сына Салты — Олжас и Санат — это уже совершенно отдельные, особенные истории в нашей большой семье...

3.3. Воспоминания детей, внуков, правнуков

Наставления и назидания имеют свои крепкие корни у внуков и внучек. Они помнят, они думают и, главное, передают это своим детям.

Внук Арман делится своими сокровенными мыслями: «Когда я беру книгу АПА в руки, я первым делом вспоминаю своих Аташку и Апашку, своих жизненных учителей!»

Для старшего поколения внуков они были и остаются главными ориентирами. Из воспоминаний старшей внучки Майгуль: Апашка никогда Аташку не называла по имени, она обращалась к нему с глубоким почтением и уважением — «кісі». Это была настоящая культура нашего народа, воспитанная несколькими поколениями и сохраненная в семье. Об этом же уважении и долголетию их союза пишет в своих воспоминаниях старший внук Тұңғышбек: «Аташка и Апашка вместе прожили, по их словам, прожили долгую и счастливую жизнь...»

Эта неразрывная взаимосвязь поколений, важным звеном в которой была Апашка, продолжала оберегать всю большую семью даже тогда, когда земной путь родителей подошел к концу. В Коране сказано: «Каждая душа познает вкус смерти». Ничего вечного на Земле нет. Мы все живем, радуемся, создаем себе блага, но на самом деле все мы думаем о том мире, где покоятся наши родители. Если все люди погребены в землю, то, как сказано в священных писаниях, матери погребены в наших сердцах. Поэтому, наверное, мы всегда чувствуем присутствие своих матерей рядом с нами, очень по ним скучаем, думаем о них и где-то в глубине души даже ждем их. Наверное, так бывает у всех детей, потерявших своих матерей.

3.3.1. Представительница кочевой цивилизации. Батталханов Болысбек

Когда не стало нашего отца, помните слова Абдижамиля Нурпеисова сказанные на асе в ресторане «Жулдыз», он сказал буквально следующее «Мы потеряли не просто великого человека, мы потеряли эрудита». Мать с отцом родились с разницей в 4 года. Но тогда четыре года, это целая страница в истории становления молодого государства. Мы не зря здесь показываем разные циклы общественной жизни человечества, здесь этим мы хотим показать, что Апашка это человек рожденный в период столкновения разных общественных циклов, кочевых традиций казахского народа, перехода из феодализма в социализм, разрушения одного мира и становления огромной мировой державы. Когда Апашка рассказывала обо всех этих событиях простым языком, таким обычным как будто делилась рецептом приготовления очередного блюда, что я лично всегда удивлялся. Все таки у ней образование средней

школы, а рассуждения академика. Главное как она все это просто доносила. Например, она говорила ,что частная собственность «жеке қожалық» это қазаққа керек нәрсе – представляете, жена первого секретаря райкома. Апашка свободно рассуждала о деятельности Сталина Молотова, Брежнева, Кунаева, знала кто из них чем занимался.Она знала ,что есть полное собрание сочинении Ленина и о сталинской репрессивной политике.Апашка обо всем этом говорила на простом,обычном,каком -то местном,доступном языке. Ее политика в области изучения языка, родного казахского. Она говорила все начинается в семье, «ұйде балалармен сойлендер» ,конечно, многие скажут «все так детям говорят» Да все, и мы знаем слышим, видели не раз. Но главный Апашкин козырь что мы все говорим пишем , читаем на родном языке . Не каждая интеллигентная семья в Алма-Ате могла себе этого позволить. Мы это тоже видим. Апашкины методы воспитания, детей изучению казахского языка в семье, обращения к супругу, поведения среди подруг и сверстниц, общения с невестками, встреча гостей разного уровня от рабочего до руководителя страны.Это все культура нашего народа, воспитанная несколькими поколениями, идущая из глубины веков, и сохрещенная нашими женщинами- казашками как наша Апашка. Представительница кочевой цивилизации, обыкновенной женщины со стороны, но необыкновенной изнутри. Внутренний мир нашей Апашки надо еще изучить, чтобы понять то поколение, которое она представляет, поколение сильных, мудрых, стойких,в то же время покорных, женственных, добрых и удивительно умеющих создавать свой мир.

Апашка родилась девочкой очень активной.Она мне рассказывала,что она очень любила играть в асыкы,ездила верхом на лошади, лазила по деревьям, ведь имя у нее мальчиковское - Қалиқан. Девушка Қалиқан было одной из самых, даже по словам одной из близких подруг, Әдемі, в окружении своих сверстниц. Дома на ГРЭСе есть фотографии юности Апашки. У нее правильные черты лица, потрясающие другие данные, одевается по моде своего времени и,

главное, все время на фото в другом платье, видимо любила быть всегда на высоте наша красавица Апашка..

3.3.2. Мой Ата, моя Апа, Майгуль Усенбаева

Для меня аташка — это человек огромной величины, равных которому нет, и, наверное, уже не будет. Его благородство, мудрость и великодушие были бездонным колодцем.

Нас, внуков и правнуков, у аташки было не один и не два, но для каждого он находил время и нужные слова, мог поддержать в такие минуты, когда казалось, что всё потеряно.

Он был рядом с нами, когда мы заканчивали школу, когда поступали в вузы. Он буквально вёл нас по жизни за руку. Как ему это удавалось, ведь нас было так много? Всё, что касалось каждого из нас, для него было важным. И это относилось не только к его близким. Посторонние люди, зная о его великодушии, приходили к нему домой за советом, за помощью, как в старые времена приходили к биям для разрешения споров.

Я помню один случай. Это было на ГРЭСе. Мне было лет 12–13. Аташка сидел на своём диване в столовой. Время было позднее. Пришли какие-то люди (турки, по-моему). Со слезами на глазах они просили помощи, чтобы аташка вмешался в щекотливую ситуацию. У них украли дочь замуж, а они были против. После двух часов беседы аташка убедил их пожелать дочери счастья и успокоил их.

Нашего аташку знают и помнят многие в разных уголках страны. Я с гордостью говорю, что я внучка Заманбека Батталханова. Он жил для нас и ради нас, так же как и для своей страны. Для меня он был и останется самым большим, лучшим и самым справедливым человеком. Мы боялись и уважали его, старались не огорчать. Мы привозили к нему свои дневники в конце года и страшно боялись его осуждения — это было для нас стимулом хорошо учиться.

А еще хочу поделиться своими чувствами по отношению к Апашке. Апашка никогда аташку не называла по имени она обращалась к нему с уважением «кісі». Апашка для меня была очень близким человеком, с ней я могла поделиться своими секретами, и всегда казалось, что она все про тебя знает, но никогда я от нее не слышала слова грубого, окрика в наш адрес. Она любила находить себя всегда рядом с нами, именно там где мы играем и смотрим телевизор. Я сейчас

сама уже мама, и когда дети шутят, отсылаю их от себя, а апашка всегда была среди нас. Она любила всех, не разделяя никого. И еще хочу сказать: Мы, внуки, практически все закончили школы на русском языке, но благодаря нашим аташке и апашке, мы все неплохо говорим по-казахски. Апашка для аташки всегда варила бидай-көже и, когда мы с Чингизом (тогда ему было года 2-3) приезжали на ГРЭС, он всегда пил его с аташкой из одного большого кесе. Он и сейчас просит сварить көже, но так, как у апашки у меня не получается. Когда ее не стало, было ощущение огромной потери и чувства вины, что чего-то недосказали, не сделали для нее.

Они со мной в душе и в сердце. Я всегда о них думаю, разговариваю с ними, прошу помощи в тяжелые для меня минуты.

Полученное воспитание, слова наставления помогают нам по жизни идти правильной дорогой, их слова для нас действительно стали назидательными. И как порой не хватает именно их совета, слова и их большой любви к нам.

Старая внучка Майгуль

3.3.3. ГРЭС — моя вторая родина. Асылбек Батталханов

Я, Асылбек, не помню себя без ГРЭСа. Я не просто внук, я был для Апы и Аты практически сыном. Потому что вырос не у родителей, а у них. Школу я закончил там же, на ГРЭСе, где они жили. И даже в первом классе, маленьким пацаном, я умудрялся сам садиться на нужный автобус и уезжать из Алматы именно к ним. Меня тянуло туда, как магнитом.

Ата и Апа меня очень любили. Ата всегда сажал на колени, и, бывало, мы с ним пили чешское пиво из одной кружки. Взрослые смотрели и улыбались: дед с внуком поглощают импортный напиток. Мне, конечно, доставалось буквально пара ложек, но чувство было такое, что я самый главный мужчина в доме. При них никто не смел меня не то что ругать — даже замечание сделать. Для всех было ясно: Асылбека трогать нельзя.

Я был практически самым любимым внуком. Но, конечно, не таким, как старшая внучка Майгуль. Она для Апы и Аты была особенной. Это знали все. И я это всегда чувствовал. И ни капли не завидовал — потому что в их любви хватало на всех.

Апа научила меня всему, что умела сама. Самое главное — она научила меня разделывать барана. И даже резать его по-правильному, по-казахски. Я до сих пор, если надо, могу разделать тушу барана максимум за двадцать минут. Это её школа. Её руки — маленькие, худенькие, но невероятно сильные — показывали каждый разрез, каждую жилку. Она воевала, работала на тракторе и комбайне, а потом учила внуков мужскому делу.

Но не только это. Я же жил у них, поэтому научился многому по хозяйству. Это сейчас я понимаю, какой это бесценный опыт. Я мог заменить газовый баллон, когда он кончался, — тогда это было обычным делом. Мог сделать мелкий бытовой ремонт: что-то починить, подкрутить, прибить. И сейчас, во взрослой жизни, эти навыки постоянно помогают мне. Я не боюсь никакой домашней работы, потому что Апа и Ата с детства приучили меня, что мужчина должен уметь всё. И я умею. Спасибо им за это.

И ещё одно главное наследство от Апы — казахский язык. У меня нет с ним никаких проблем. Как и она, я сначала обдумываю то, что надо сделать, не лезу сломя голову. Взвешиваю, думаю, потом действую. И ещё: я всегда готов идти на помощь братьям. Этому она меня тоже научила. Неважно, какой час, неважно, как у самого дела — если брату нужна помощь, я уже в пути.

Но есть одна черта, в которой я весь в Ату. Апа была экономной, даже бережливой. Каждая вещь лежала на своём месте, ничего не пропадало. А вот Ата был очень щедрым. Он мог отдать последнее человеку, который пришёл за советом или помощью. Вот такой он был. И я такой же. Щедрость Аты — во мне.

Много лет спустя я понял главное. Апа научила меня корням. Она научила меня труду, языку, обдуманности, братству и хозяйственной хватке — всему, без чего не выжить в обычной жизни. А Ата научил меня широте души. Если я сейчас могу помочь, не задумываясь о своей выгоде — это Ата. Если я сначала подумаю, а потом сделаю — это Апа. Если я могу починить что-то в доме или поменять баллон без страха и чужой помощи — это тоже они. Они живут во мне до сих пор.

Когда Апы не стало, я почувствовал огромную потерю. Я жалел, что чего-то не сказал, чего-то не сделал. Но я знаю: полученное от них воспитание, их наставления — это то, что я передаю своим детям. И внукам. Потому что настоящие корни крепки только тогда, когда их передаёшь дальше.

Жатқан жері жайлы болсын, мои Апа и Ата.

3.3.4. Воспоминания внука Алибека

Про мою Апа рассказывать одновременно легко и трудно. Легко — потому что воспоминаний о ней очень много. Трудно — потому что для каждого из нас, внуков, она была особенной. И, наверное, каждому казалось, что именно его она любит чуть больше. Мне тоже так казалось.

С детства меня удивляло, какая она была маленькая и худенькая. Тогда она уже казалась мне пожилой. Но однажды, когда мне было лет пять, я увидел, как Апа без особого усилия подняла тяжелый мешок — то ли с мукой, то ли с картошкой — легко закинула его на плечо и понесла на склад. Я стоял и смотрел пораженный: такая хрупкая с виду женщина оказалась невероятно сильной. Уже позже я понял, откуда в ней эта сила — в военные годы она работала на тракторе и даже водила комбайн.

Еще мне всегда запоминался ее склад. Там был идеальный порядок. Каждая вещь лежала строго на своем месте. Стоило кому-нибудь что-то переложить, как Апа сразу замечала. Все было чистым, аккуратным, ухоженным. Помню старый угольный утюг — тот самый, который разогревали углями. Казалось бы, сколько ему лет, а он всегда блестел чистотой, будто новый.

Иногда Апа готовила на печке. И если рядом не оказывалось кочерги или щипцов, она спокойно могла взять горячий уголек пальцами и отбросить в сторону. Для меня это было настоящим чудом. Особенно потому, что руки у нее были маленькие, тонкие, удивительно мягкие и нежные. Когда она гладила меня по голове, казалось, что эти руки просто не могут знать тяжелой работы.

А еще меня поражало, как она раскалывала баранью косточку. Чуть повернет ее набок, легонько ударит пальцем — и все, кость расколота. Мы потом много раз пытались повторить это — и я, и другие внуки, — но ни у кого не получалось. А Апа только улыбалась своей тихой доброй улыбкой.

Она всегда что-нибудь прятала для меня — конфету, курт. Если рядом были взрослые или другие дети, она тихонько звала меня на склад и украдкой совала угощение в руки, приговаривая: «Же, өшерде же, тартып алады үлкендер».

Вот такой была моя любимая Апашка — добрая, сильная, заботливая и удивительная.

Жатқан жері жайлы болсын.

Иманы жолдас болсын.

3.3.5. Моя Апа. Батталханова Райхан

Я не дочь Калихан Усенбай қызы, я её сноха, **келін**. Однако я могу смело назвать её своей второй мамой.

Я была дома младшим, поздним ребёнком, у меня есть племянники, которые старше меня лет на пятнадцать. Моей задачей дома было только учиться — и всё.

Всему, что нужно для семейной жизни, ведения домашнего хозяйства, бытовым лайфхакам меня научила **Апа**.

Сначала было немного тяжело. Апа говорила Папе: *«Мен айтқанды келінім түсінбейді, оның сөзін мен ұқпаймын»*. Это потому что я практически не знала казахского языка, а она не говорила по-русски. Постепенно она меня научила казахскому. И не только меня — она научила и Асию, нашу старшую сноху. Асия потом в медицинском институте читала лекции студентам на казахском языке. Сейчас и у меня с языком особых проблем нет.

Помню, позвонил Папа, трубку взяла я. Он спросил, что мы делаем, а мы как раз разделявали тушу барана. Я ему сказала буквально: *«Біз қойды кесіп жатырмыз»*. Он потом долго смеялся и рассказывал: *«Менің келінім қойды кесіп жатыр»*. Я только потом поняла, что сказала «мы барана **нарезаем**», а не разделяваем.

Я поражалась, как Апа солила мясо — оно потом долго не портилось. Научила она меня и тесто месить, и бараньи кишки добела чистить, делать **казы**, разделявать барана — и не только: могу и лошадь, и корову. Сначала кишки пахли, и было неприятно, но потом я научилась. Сейчас мои внуки говорят, что у **Апы**, то есть у меня, всё вкусно — и этому меня научила Апа.

Но главное — она научила меня, городскую девушку, основам общения с людьми: уважать людей, находить с разными из них общий язык. Главное — она научила меня быть **мамой, женой, снохой**. Когда рождались мои дети, она жила со мной, пока не пройдёт год, и всё это время опекала меня. Когда меня увезли в больницу с аппендицитом, я не беспокоилась за детей — с ними была их Апа.

Наша Апа была удивительно скромной женщиной. Приведу лишь один простой пример, который врезался мне в память на всю жизнь. Каждое утро она сама ходила в магазин за молоком и терпеливо стояла в общей очереди. Казалось

бы, что тут особенного? В советские годы так делали миллионы. Но здесь нужно учесть один важный момент.

Мы тогда жили в ведомственном районе, где давали жильё семьям самых ответственных работников. Ни одна женщина из этих номенклатурных домов по утрам с бидончиком за молоком не бегала — статус не позволял. А ведь наша Апа была женой первого секретаря райкома партии! В первое время люди в очереди, прекрасно знавшие, чья это супруга, вежливо пытались пропустить её вперед. Но Апа всегда наотрез отказывалась и смиренно ждала своей очереди. Постепенно жители к этому привыкли. Все знали, что жена первого руководителя сама ходит за продуктами, сама носит тяжелые сумки.

В нашем доме никогда не было прислуги или, как тогда уважительно говорили, помощниц по хозяйству. Апа абсолютно всё делала своими руками. Она успевала и по дому, и в саду, и в огороде. Больше всего на свете она любила возиться с землей и выращивать помидоры — и это у нее получалось просто на загляденье, томаты всегда удавались огромными и сладкими.

За эту простоту, открытость и подлинное благородство люди в округе её бесконечно уважали. Между собой соседи часто называли её просто и весомо — Хозяйка. К ней изредка обращались за советом или помощью, и она никогда никому не говорила «нет». Не всегда в силу обстоятельств удавалось решить любую проблему, но Апа всегда искренне, всем сердцем старалась помочь каждому, кто стучался в наши двери.

И это глубокое, народное уважение проявилось даже тогда, когда Апа ушла в лучший из миров.

Наша улица к тому моменту была довольно разбитой, в колдобинах. Когда мамы не стало, проводить её в последний путь приехало огромное количество людей со всех регионов Казахстана: было много земляков из родного Уйгурского района, приехало начальство самых разных рангов. Видя, какое несметное число людей съезжается к дому, руководство района в экстренном порядке, буквально за сутки, пригнало технику и полностью заасфальтировало, и отремонтировало всю нашу разбитую дорогу.

Тогда соседи из близлежащих многоэтажек, глядя на этот спешный ремонт, со слезами на глазах говорили: «Посмотрите, наша Хозяйка, даже уходя от нас, умудрилась отремонтировать нам улицу...»

Для меня это и есть самый главный признак того, какую огромную, чистую и светлую память оставила по себе на этой земле наша дорогая Апа.

Она была сильной женщиной, в том числе и физически. Могла поднять тяжесть, но мне не разрешала — я была в положении, а она спокойно несла, относила в подвал, на склад. Её сила передалась дочери Салтанат. Как-то мы с Салтанат убрались дома на втором этаже, и надо было вытрясти ковёр. Салтанат попросила меня взять один конец, я не смогла поднять, и тогда она сама взяла этот ковёр, подошла к краю балкона и спокойно вытрясла его. Она спокойно могла без меня убрать весь дом, а он в Капчагае был немаленький.

Апа относилась ко мне как-то по-особенному. Муж Аманбек смеялся: «Это потому что тебя выбрали они сами». Я — единственная сноха, которая вышла замуж по воле родителей. Может быть, и так, но я всегда чувствовала к себе особенное отношение Папы и Апы. Может и также то, что я только одна из снох взяла фамилию Батталханова.

Они всегда в моей памяти.

3.3.6 Папа.

Мой отец, Батталханов Заманбек, принадлежал к поколению людей, родившихся вскоре после окончания гражданской войны, и почти полностью погибших в войне Отечественной. Он прошел всю войну несколько раз был ранен, но остался жив и вернулся домой.

Из его родного колхоза им. Молотова, что в Уйгурском районе Алматинской области, на фронт ушли 123 человека. Домой вернулось менее трети. Не вернулся единственный брат Папы, вскоре после возвращения с фронта, ушел из жизни, из-за фронтовых ран, мой дед Батталхан. Папа возвратился к родным только через три года после войны,

Заманбек Батталханов начал фронтовые годы под Москвой, когда 19 летние солдаты стояли насмерть, защищая каждую пядь нашей земли.

Курская дуга, форсирование Днепра, бой под Будапештом. Все эти горящие "ады" прошел мой Папа.

Он воевал под Сталинградом, на Курской дуге, форсировал Днепр, освобождал Будапешт. Дважды был ранен, чудом выбирался из подбитых танков, будучи механиком-водителем. Под Сталинградом он получил первую награду.

Уходя в разведку за языком, под Сталинградом, он написал заявление « Если погибну считать меня коммунистом ». Оставил домашний адрес и свои вещи. Фортуна улыбнулась Папе, он вернулся из разведки, привел «языка» офицера, о чем во фронтовой газете была опубликовано статья « Славный сын казахского народа ». Это было в 1942 году под Сталинградом.

Танкистер экипажи.
1942 жыл.

Воинское звание – Гвардии полковник награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-ой и 2-ой степени и воинскими медалями «За отвагу», «За освобождение Киева» и др.

В трудовой деятельности награжден знаками Ленина, Октябрьской революции, Трудовым Красным Знаменем, Достык, Курмет и в связи с 55-летием Победы высоким

орденом Республики «Отан». Также он являлся, обладателем более 15 медали и 3 раза был, награжден Почетной Грамотой Верховного совета Казахстана.

Был избран председателем совета Казахстанской международной ассоциации «Бүркітші», созданной в 1989 году. 8 декабря 1990 года на ипподроме города Алматы организовал и провел первый международный фестиваль «Бүркітшілер».

В 1992 году по инициативе народа был создан фонд «Раймбек» для увековечивания памяти Раймбек Батыра, члены этого фонда избрали Замманбека Батталханова председателем фонда.

В 1999 году во время Президентских выборов был доверенным лицом Главы Государства по Алматинской области.

Ему присвоено звание «Почетный гражданин Алматинской области», «Почетный гражданин Илийского района», «Почетный гражданин Талгарского района», «Почетный гражданин Уйгурского района» и «Почетный гражданин города Капчагай». До 2003 года работал был председателем совета Аксакалов Алматинской области.

Все эти годы мирной жизни рядом с ним была моя Мама Усенбаева Калихан Усенбаева. Ветеран Войны и Труда, с которой он за годы совместной жизни воспитал и поставил на ноги семерых детей (шесть – сыновей, одну - дочь) и более 20 внуков, правнуков, вместе прожили 60 лет.

3.3.7. Мой дед — Заманбек Батталханов Асылбек Батталханов, внук Динмухамед Батталхан, правнук

Когда я вспоминаю своего деда, прадеда моего сына Димаша — Батталханова Заманбека, — мне всегда кажется, что его судьба вместила сразу несколько жизней. Он принадлежал к поколению людей, которых война застала совсем молодыми и навсегда изменила их судьбу. Многие его ровесники так и остались на полях сражений, а тем, кому удалось выжить, пришлось потом заново учиться жить.

Дед прошел всю Великую Отечественную войну танкистом-механиком. Его боевой путь пролегал через Сталинград, Курскую дугу, Днепр, Венгрию и Австрию. Он рассказывал мало, но даже из редких воспоминаний было понятно, насколько страшной была та война. Дважды был ранен, не раз выбирался из горящих танков и каждый раз

словно заново возвращался к жизни. Победу встретил далеко от дома — в австрийских Альпах.

О его фронтовой судьбе напоминают ордена Красной Звезды, Отечественной войны и боевые медали. Но, думаю, самой большой наградой для него было то, что он вообще сумел вернуться.

Судьба не баловала его с самого детства. Еще мальчиком он столкнулся с тяжелыми испытаниями и очень рано понял цену человеческой жестокости. Наверное, именно поэтому в нем всю жизнь жила особая стойкость. Он никогда не жаловался и всегда шел вперед, каким бы трудным ни был путь.

Из родного колхоза имени Молотова в Уйгурском районе Алматинской области на фронт ушли 123 человека. Домой вернулась лишь малая часть. Война забрала его брата, отец умер от ран. Сам дед смог окончательно вернуться к семье только спустя несколько лет после Победы.

Калимуллин
1943 жыл.

Байсултан Айтымбетов.
Полтава қаласы 1944 жыл

Ілухов қаласындағы 11 Ростов танк
артиллерия училищесіндегі кезі 1943 жыл.

После войны он выбрал мирную профессию — стал учителем. Окончил педагогический институт имени Абая, работал в школе, позже был ее директором. Со временем ему доверили большую ответственность — он руководил районом, а затем представлял людей в Верховном Совете Казахской ССР.

Его уважали не за должности и награды, хотя наград у него было немало. В советские годы он был удостоен орденов

Ленина, Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени. Уже в независимом Казахстане получил ордена «Құрмет», «Достық» и «Отан». Ему присвоили звание почетного гражданина Алматинской области, Илийского, Талгарского, Уйгурского районов и города Капшагая.

Но, наверное, главное в нем было другое — он никогда не умел жить только для себя. Его всегда волновали люди, природа, история родного края. Он занимался охраной природы, участвовал в создании национальных парков Жетысу, поддерживал возрождение старинного искусства охоты с беркутами. Благодаря таким людям многие традиции не исчезли и сохранились до наших дней.

В 1990 году именно он организовал в Алматы первый международный фестиваль «Бүркітшілер». Для него это было делом души, связью поколений и уважением к культуре предков.

Даже выйдя на пенсию, дед не отошел от общественной жизни. В непростые годы он создал благотворительный фонд «Шапагат», помогавший нуждающимся семьям. Позже возглавил фонд «Райымбек», созданный для сохранения памяти о великом батыре. До конца жизни руководил областным советом ветеранов, встречался с молодежью, поддерживал фронтовиков.

Рядом с ним всегда была моя бабушка — Усенбаева Калихан, ветеран войны и труда. Вместе они прожили долгую жизнь, полную забот, испытаний и радостей. Воспитали восьмерых детей, дождались внуков и правнуков. Их дом всегда был открыт для родных, друзей и гостей.

Сегодня имя моего деда носит центральная улица поселка Отеген батыр. Но для нашей семьи память о нем — это не только улица или государственные награды. Это память о человеке, который прошел войну, сохранил достоинство, сумел остаться честным перед людьми и всю жизнь служил своему народу.

3.3.8. Әке, Амнбек Батталханов

Мой отец принадлежал к поколению людей, родившихся сразу после окончания Гражданской войны и почти полностью погибших в Великой Отечественной войне. Он прошёл войну от начала до конца, несколько раз был ранен, но всё же остался жив и вернулся домой.

Когда я вспоминаю об отце, мне очень трудно быть объективным. Потому что он был не только крупным

партийным работником, но и человеком с большим сердцем, чистой душой и добрым характером.

Что я могу сказать о своём отце? В детстве он был для меня словно бог. Да и, по правде говоря, таким остаётся до сих пор...

К нам, детям, он относился с большой любовью. Как бы ни был занят, всегда старался быть рядом с нами. Он был хорошим историком, прекрасно знал литературу. Говоря о его отношении к детям, хочу отметить, что отец стремился дать всем нам высшее образование и сделал для этого всё возможное, вкладывая свои силы, знания и возможности. Все мы получили высшее образование. Двое из нас (Ерболат и Асия) стали докторами наук и профессорами, двое — кандидатами технических наук и доцентами. Все его внуки тоже получили высшее образование, а у моих детей даже по два высших образования. Всё это — заслуга наших родителей, которые так нас воспитали.

Первое, что вспоминается об отце, связано с моими болезнями. Я часто болел. Когда мне делали уколы, отец и мама держали меня. Когда я лежал в больнице, отец, несмотря на дороговизну, покупал мне книги в тех магазинах, которые я называл.

В больнице у меня было очень много книг. Их нельзя было выносить, потому что там могла остаться инфекция. Но книгу «Дед Илья и внук Илья» мы всё-таки забрали. Мама сказала, что её можно продезинфицировать. Дома она прогладила утюгом каждую страницу.

Что было главным в отце? Наверное, то, что он никогда не жалел своего времени. На работу он уходил в семь утра и возвращался только к девяти вечера. А после этого к нему ещё приходили люди — за помощью, за советом. И для всех он находил время.

Отец умел интересно рассказывать, был очень образованным человеком. Куда бы он ни приходил — даже среди литераторов и историков — внимание окружающих сразу переходило к нему. Все называли его нашим Заке.

Он написал несколько книг, и, к сожалению, мы мало их читали.

Однажды я открыл его книгу «Өмірім өнегем» («Моя жизнь — мой пример») и неожиданно понял, что отец ещё в 1996 году предвидел не только объединение Европы, но и появление единой валюты. К таким выводам он пришёл, изучая множество публикаций. И удивительно — когда он только успевал всё это читать при своей занятости? В этой

книге много истории и его собственных размышлений о разных событиях.

Отец заботился не только о детях, но и о внуках. Он мягко воспитывал и направлял их. Вот один пример.

Однажды он взял Асылбека и Алибека на охоту, и по дороге сломалась машина. Асылбек сразу начал помогать водителю, хотя был ещё совсем маленьким, старался что-то делать, но при этом жаловался: то пить хочет, то есть. Машина никак не заводилась, пришлось идти к егерю. Отец взял с собой младшего — Алибека — и пошёл. У егеря они поели, а уходя, Алибек взял для брата пару самсы.

Потом отец говорил:

— Вот Алибек шёл со мной, не плакал и про брата не забыл. Он вырастет добрым и заботливым. А Асылбек — ловкий, умелый, но нетерпеливый, немного эгоистичный.

Со временем всё так и оказалось. Асылбек правильно понял слова деда. Сейчас он очень заботится о младших братьях. И это меня радует. Пусть Аллах даст ему здоровье и удачу — тогда и у его братьев всё будет хорошо.

А потом отец заболел. В то время я жил в Астане. Несмотря на тяжёлую болезнь, он не забывал нас, своих детей. Когда я приехал домой, он уже лежал прикованный к постели. Мы долго разговаривали обо всём, в том числе и о том, чем мне заниматься дальше. Он советовал мне, вернувшись домой, заняться своим здоровьем и больше внимания уделять детям. Через некоторое время я, тяжело переживая за отца, уехал обратно в Астану. Тогда я ещё не знал, что это был наш последний разговор.

Мои отец и мать сняты всем моим братьям и сёстрам, а мне почему-то — никогда. Не знаю почему. Может быть, я в чём-то перед ними виноват?.. С этим внутренним чувством вины я живу до сих пор.

Есть люди, которые успевают полностью раскрыть себя, но мой отец не успел. Со своими энциклопедическими знаниями, огромным опытом, проницательностью, широтой души и добротой он мог бы сделать ещё очень многое. Но не успел.

**ЗАМАНБЕК
БАТТАЛХАНОВ**
КӨШЕСІ

8

Д.Кунаев и З.Батталханов

Апа и внучка Саулеш

Мама, Әділқан, Жақсылық, Елжан

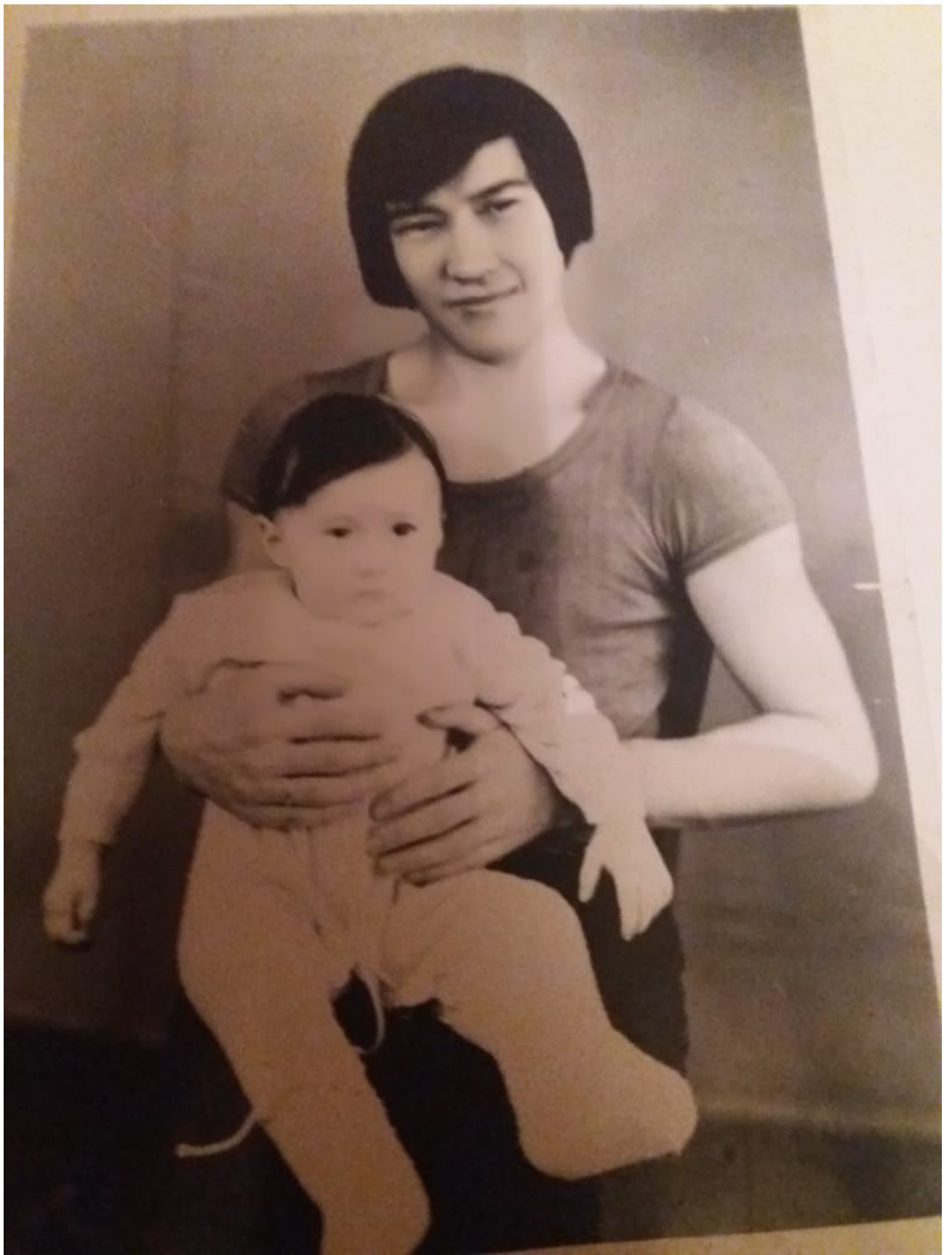

Я с первой внучкой Акмарал

Аманбек, Райхан, 1976 год, январь, свадьба

Райхан с внучкой Әдіна

Апа, Бақберген, Саулеш

Внуки и внучки

На ГРЭСе

Әдел, призер Международного конкурса по математике, Баку

Саулеш и Айганым в зоопарке

Мои девочки

Динмухамед, правнук

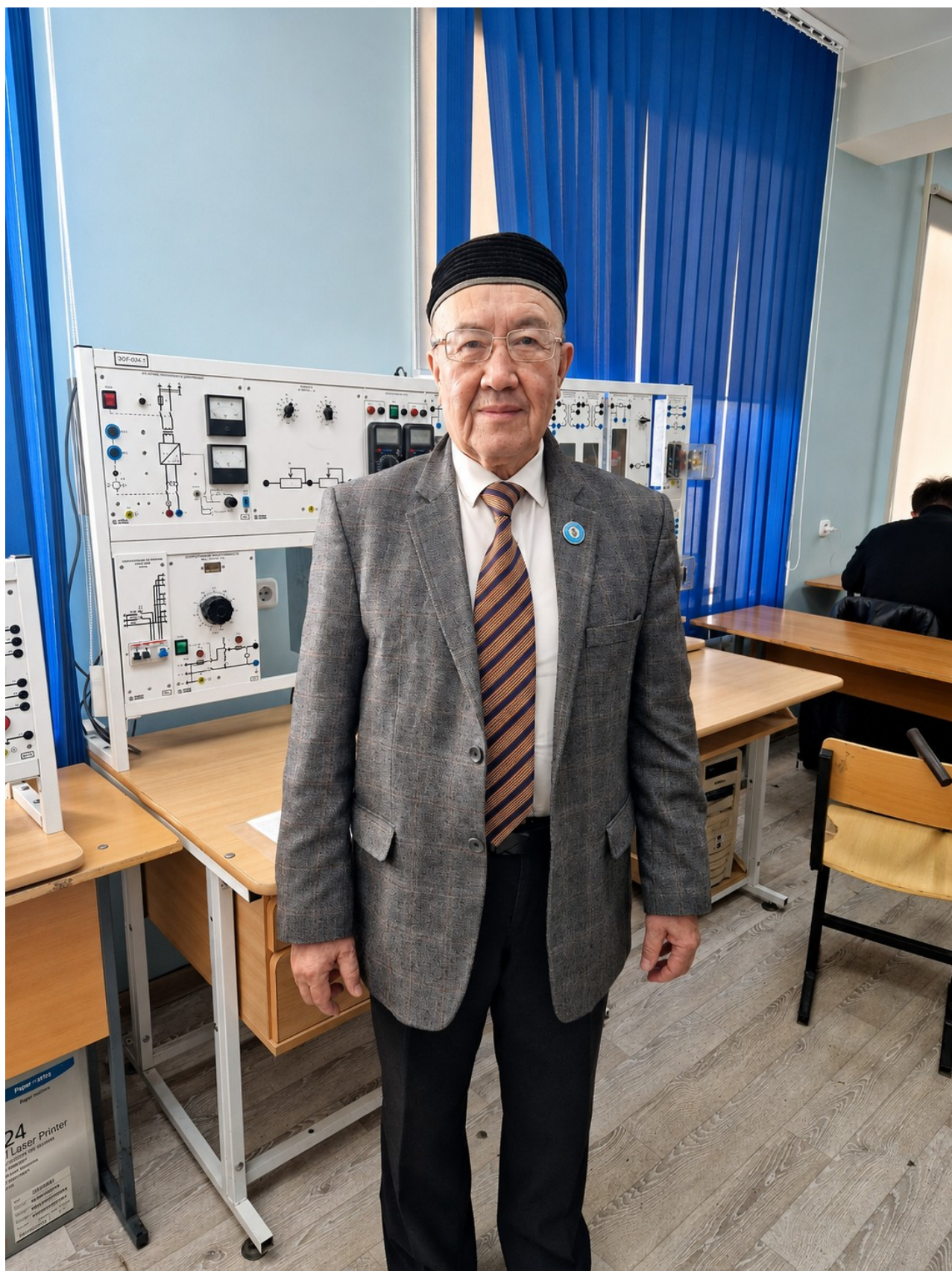
Правнук Өліжан, на фоне портрета Арғы Ата

Әлел, Әдіна правнучки

Әлібек, Тимур, Ақкамеш с детьми (Біәлі, Саулеш, Әліжан, Әдіна, на полу Әдел)

Я на занятиях в КазАТУ им. С.Сейфуллина

Тунғышбек, Тимур, Сафия

**Салтанат (супруга Алибека) с младшим сыном
Әліжаном**

Әділқан, Райхан, Айнұр

3.4. Мудрость старших и родовое наследие

Кәрі мама — Нурбола

Многое о казахских обычаях я узнавал не только от родителей. Очень много рассказывал наш нағашы ата Усенбай, которого мы звали Сенбай ата, и моя няня Нурбола Туниязова. Я называл её Кәрі мама — «старая мама». Она была супругой покойного Бабай батыра и родом из Ағымсары — то есть приходилась сестрой по роду нашему отцу.

Она была человеком тихим, скромным, вроде бы малограмотным. Всё время работала, особенно молчала в присутствии старших. Но со мной Кәрі мама всегда разговаривала. Никогда не говорила: «Отстань». Другие дети долго не выдерживали и убегали играть, а я мог часами сидеть рядом и слушать её рассказы.

Мне было интересно всё — старые слова, пословицы, истории про аул, про жизнь людей, про старинные обычаи. Тогда я ещё не понимал, что вместе с этими разговорами старшие передавали нам целый мир — мир уважения к людям, памяти предков и человеческой доброты.

Недаром казахи говорили: «Ана көрген тон пішер, әке көрген оқ жонар» (Дочь, глядя на мать, научится кроить одежду, а сын, глядя на отца, научится делать стрелы). Но смысл этих слов гораздо глубже. Ребёнок учится не только ремеслу. Он незаметно перенимает отношение к людям, уважение к труду, к семье и к традициям.

О жиене и нағашы

Особенно запомнился мне разговор о пословице:

«Жиен ел болмас, желке ас болмас».

В детстве меня удивляли эти слова. Мы ведь сами были жиенами в ауле нашей мамы, и нас там очень любили. Тогда почему говорили, что «жиен не станет своим»?

Помню, как Сонбай ата, улыбаясь, ответил:

— «Жиен неге ел болмасын, малы болса, желке неге ас болмасын майлы болса?»

То есть:

«Почему жиен не может стать своим, если он достойный человек? И почему шея не может быть угощением, если она жирная?»

С возрастом я начал лучше понимать смысл этих слов.

Казахи никогда не считали жиена чужим или нелюбимым человеком. Наоборот, жиена всегда особенно баловали. Недаром говорили:

«Если соскучился по детству — поезжай к нағашы».

Или:

«У того, кто ударит жиена, рука задрожит».

Но выражение «Жиен ел болмас» относилось не к любви или близости, а к родовой принадлежности.

В старину дочь, выйдя замуж, часто уезжала очень далеко — в другой аул, другой край. Её дети уже относились к роду отца. Поэтому даже любимый жиен всё равно считался человеком другого рода.

Если, например, нағашы были албанами, а отец ребёнка — аргыном, то и сам жиен, и его дети оставались аргыном. В этом и заключался смысл старого выражения.

С возрастом я начал лучше понимать смысл этих слов. Казахи никогда не считали жиена чужим или нелюбимым человеком. Наоборот, жиена всегда особенно баловали. Недаром говорили: «Если соскучился по детству — поезжай к нағашы». Или: «У того, кто ударит жиена, рука задрожит».

Но выражение «Жиен ел болмас» относилось не к любви или близости, а к родовой принадлежности. В старину дочь, выйдя замуж, часто уезжала очень далеко — в другой аул, другой край. Её дети уже относились к роду отца. Поэтому даже любимый жиен всё равно считался человеком другого рода. Если, например, нағашы были албанами, а отец ребёнка — аргыном, то и сам жиен, и его дети оставались аргыном. В этом и заключался смысл старого выражения.

Ақ жаулық — белый платок матери

Помню, как однажды Кәрі мама рассказала мне старинное предание о происхождении ақ жаулық — белого женского платка.

Она говорила, что когда-то во время набегов мужчины одного аула ушли далеко в степь перегонять скот. В ауле остались только старики, женщины и дети. Узнав об этом, враги решили напасть. Тогда одна мудрая пожилая женщина сняла со своей головы белый платок, привязала его к длинному шесту и подняла как знамя. После этого одна вышла навстречу врагам.

Увидев белый стяг, враги подумали: «Наверное, за этим аулом стоит большое войско». Испугавшись, они отступили. Так, по преданию, один только белый платок спас целый аул от гибели.

С тех пор ақ жаулық у казахов стал символом материнства, мудрости, мира и защиты. Недаром говорили: «Первое богатство — здоровье, второе богатство — ақ жаулық». Этими словами старики подчёркивали, что женщина и мать — главное богатство семьи.

Шанырак — сердце дома

Очень любил рассказывать про шанырак наш Нагашы Ата. Он говорил: «Шанырак — это не просто верх юрты. Это сердце дома».

Для казаха шанырак всегда был чем-то намного большим, чем деревянный круг над головой. Через него в юрту входил свет, уходил дым, через него люди видели небо и звёзды.

Когда сын создавал семью, говорили: «Өз алдына шаңырақ көтерді» — «Поднял свой шанырак». То есть человек стал самостоятельным, создал собственный дом. Особенно почитался қара шаңырақ — родительский дом. Нагашы Ата говорил: «Пока стоит қара шаңырақ, род не распадается». Там собирались дети и внуки, туда возвращались после долгой дороги, там хранилась память предков.

Шанырак передавался от отца к сыну как аманат — священное наследие рода. А если в роду не оставалось наследника, старый шанырак иногда хоронили вместе с последним хозяином. Потому что без продолжателя рода он словно терял свою душу.

Земля как живая сила

Как-то уже взрослым я спросил у Мамаы про один её рассказ из моего детства. Она говорила, что когда я был совсем маленьким, я очень тяжело заболел. Родные уже почти потеряли надежду. Тогда одна старая эже сказала: «Бұл баланы жерге аунатып, есектің тезегіне орау керек». То есть ребёнка нужно покатать по земле, «отдать земле», а потом завернуть в тёплый ослиный навоз.

Сейчас это может показаться странным, но в те времена люди часто обращались к старинным народным способам лечения, особенно когда уже не оставалось надежды. Мама рассказывала, что всё сделали именно так. И вскоре мне стало легче.

Тогда я спросил: «Почему именно жерге аунату?» И только с возрастом начал понимать смысл этого старого обычая. Для казаха земля всегда была священной. «Жер-Ана» — Мать-Земля — считалась живой. Старики верили, что земля может забирать боль и возвращать человеку силы.

Даже сейчас человека тянет к природе — в степь, в горы, к земле. Там становится легче на душе. Наверное, наши предки хорошо понимали то, что современный человек часто забывает: человек — часть природы.

Носили ли девушки платки?

Помню, как в те годы у нас стали появляться молодые девушки, укутанные во всё черное. Я тогда спросил у Мамаы:

Мама, а это правда, что раньше платки носили только замужние женщины, а девочки их не надевали?

Правда, — сказала она. — Платок на невесту впервые надевала мать жениха, когда принимала её в семью.

И это утверждение, по-моему, исторически абсолютно верно. Традиционный казахский костюм строго делил головные уборы по возрасту и семейному положению. Девушки до замужества никогда не носили закрывающих волосы платков — этот обычай кардинально отличался от норм строгого ислама.

Девичьи головные уборы

Открытая голова: Девочки ходили с открытой головой — с распущенными волосами или с заплетенными косами. Непокрытая голова была символом юности и красоты.

Тақия (тубетейка): Это легкая шапочка, которую часто украшали узорами, монетами или перьями филина (их пришивали как защиту от сглаза).

Бөрік: Зимняя или демисезонная теплая шапка с меховой опушкой.

Традиционные уборы замужних женщин

Жаулык и Кимешек: Платок женщина надевала только после замужества (или после рождения первого ребенка). Это был специальный белый головной убор — кимешек, который полностью закрывал волосы, шею, плечи и грудь.

Символизм: Волосы замужней женщины полностью прятали от чужих глаз. Это было знаком уважения к старшим, статуса хозяйки дома и матери.

Слово старших — память народа

Очень многое о казахской жизни, о старых обычаях, пословицах и человеческих отношениях я узнал не из книг. Этому меня учили мои родители, Нагашы Ата, Сенбай ата, Кәрі мама. И отец, и мама были прекрасными рассказчиками. Они говорили просто, без учёных слов, но после их разговоров многое оставалось в памяти на всю жизнь.

Мой покойный друг Конысбек любил повторять: «Ашқа айтсын, мақала қосып». То есть: рассказывай, записывай, не давай словам стариков исчезнуть.

И действительно, чем старше становлюсь, тем яснее понимаю: вместе с этими разговорами нам передавался целый мир — казахское понимание семьи, уважения, родства и человеческой совести.

Пословицы — народная школа жизни. Казахи всегда любили меткое слово. Почти на каждый случай была своя пословица.

О единстве говорили: «Алтау ала болса, ауыздағы кетеді, төртеу түгел болса, төбедегі келеді» — «Когда люди в разладе — теряют и то, что рядом. Когда едины — доберутся и до вершины».

О дружбе: «Жақсы достан жан пида» — «Для хорошего друга и жизни не жалко».

О Родине: «Отан оттан да ыстық» — «Родная земля горячее огня».

А о чести: «Малым — жанымның садақасы, жаным — арымның садақасы» — «Богатство можно отдать ради жизни, а жизнь — ради чести».

Старики говорили мало, но за несколькими словами часто стояла целая философия жизни.

3.5. Вера и память

Вера и обращение к Богу

Наша Апашка всегда верила в силу всевышнего и всегда просила нас про себя повторять слова «Құдайға тәуба». «Құдайға тәуба» — говорила Апашка. Проблема духа тесно связана с верой людей в добро и справедливость, с историей казахского народа, с историей принятия ислама. Религиозные традиции казахов всегда поднимали дух каждого человека и целого народа.

И пока, Құдайға тәуба, всё у нас вроде как у всех, елмен бірге көресiңдер — говорила Апашка.

После ухода

Наверное, поэтому, когда ушла наша мама от нас, первые сорок дней все мы чувствовали её присутствие дома. Так вот, на ГРЭСе мы чувствовали присутствие Апашки, и как-то кто-то испугался даже этого присутствия, и тогда сын Бахыта, Адильхан, сказал знаменитые, золотые слова: «Это же Апашка».

Рахмет Адилхан за нужные слова в нужное время.

В Коране сказано: «Каждая душа познает вкус смерти». Ничего вечного на Земле нет. Мы все живём, радуемся, создаём себе блага, богатеем, собираем имущества, но на самом деле все мы думаем о том мире, где покоятся наши родители. Всё в руках Аллаха. Так оно и есть.

Но если все люди погребены в землю, в священных писаниях сказано: матери погребены в наших сердцах. Поэтому, наверное, мы всегда чувствуем присутствие своих матерей рядом с нами, очень по ним скучаем, думаем о них, где-то в глубине души даже ждём их. Наверное, так бывает у всех детей, потерявших своих матерей. Ведь согласитесь, после потери мамы невольно тянешься к людям похожего возраста и с удовольствием откликаешься, когда они зовут.

Вроде бы простые слова, а сколько в них смысла.

То, что остаётся с человеком

Назидания Апашки имеют свои крепкие корни у её внуков и внучек. Они помнят, они думают как Апашка и, главное, передают своим детям.

Внук Арман говорит: «Когда я беру книгу в руки, я первым делом вспоминаю своих аташку и Апашку, своих жизненных учителей! Самоопределение человека невозможно без духовного напряжения, без искренней самоотдачи, вплоть до готовности пожертвовать своей жизнью. Таков важнейший нравственный урок, который преподан нам жизнью и нашими Матерями».

**Послесловие. Философия материнского сердца:
Вселенная нашей Апа**

Внутренний мир нашей Апашки — это целая вселенная, которую нам, её детям и внукам, ещё предстоит бережно разгадывать и изучать всю жизнь. В ней, простой казахской женщине, рожденной под чистым июньским небом Шалкоде, удивительным образом уживались несокрушимая, стальная стойкость и какая-то невероятная, чисто материнская мягкость. Она была нашей живой, хрупкой нитью, связавшей нас с ушедшим миром великой кочевой цивилизации. Она казалась обычной женщиной со стороны, но была совершенно необыкновенной изнутри.

Сегодня мир стал прагматичным, и многие меряют величие человека материальным богатством, высокими чинами или властью, данной народом. Но Апашка знала истинную цену вещам: всё это земное благополучие изменчиво, как человеческие судьбы, и тает, словно степной дым, который сегодня есть, а завтра развеет ветер. Мудрецы говорят, что всё на свете боится времени, и только само время боится мыслей и памяти, зафиксированных на бумаге.

На долю поколения нашей Апа выпали такие тектонические сломы, от которых рушились целые государства: лихолетье коллективизации, страшные годы репрессий, изнурительный, нечеловеческий труд в тылу, когда совсем молодой девчонкой ей пришлось сесть за руль тяжелого трактора, послевоенная голодная нужда и долгие годы восстановления страны. Говорят, что гении рождаются в смутные времена. Может, поэтому наши отцы и деды, матери и бабушки были духовно гораздо более одарены, чем наше сегодняшнее поколение. Их дух был настолько силен, что его не смогли сломить никакие исторические бури и завоеватели. Другие бы на их месте ожесточились или опустили руки, но наши матери выстояли.

На чем же держалась эта тихая, исполинская сила? Она держалась на абсолютной, чистой вере в добро, на верности традициям и на одном-единственном мамином девизе, который она тихонько, как молитву, повторяла и в радости, и в горе: «Құдайға тәуба...» Именно на этих словах, на её безграничном терпении, мудрости, человеколюбии и любви вырос, устоял и окреп наш кара шанырак. Это было заложено нашей Апашкой, и именно поэтому мы стали такой монолитной, дружной и сильной семьей. Многие нам завидуют, и мы знаем об этом. Апашка не просто дала нам жизнь — она создала наш собственный мир, согрела его своими натруженными, теплыми руками, научила нас уважению к людям, соблюдению приличий и почитанию родных корней. Её привычки, её материнские чувства — это уже наша семейная история.

Наш самый главный, священный долг перед её памятью — передать это живое тепло детям, внукам и правнукам. Чтобы все самые младшие Батталхановы всегда помнили, чья благородная кровь течет в их жилах. И чтобы они, встречая новые рассветы и бережно беря в руки эту книгу, сквозь годы слышали живой голос Апашки и умели искренне, от всего сердца повторять её главный завет:

«Құдайға тәуба» — деп жүріңдер...

Батталхан келіні
Қалихан Үсенбайқызы
1925ж. 27маусым - 2000ж. 16

4. Наша семья

4.1. Из книги Батталханова Заманбека «Өмірім — өнегем»

(Жизнь моя — мой пример)

Про наших Ата и Бабушку (Из воспоминаний отца)

Про нашу семью, а именно про наших Ата и Бабушку, лучше всего рассказать словами моего отца. Вот что он оставил в своих записях для нас, своих детей, внуков и правнуков:

«Сначала я уже писал кратко о нашем большом дедушке (үлкен әке) Токсанбае. Но потом подумал, что ради будущих поколений нужно дополнить эту историю и расписать всё подробнее, поэтому я и взялся за эти записи снова.

Наш дед Токсанбай был человеком очень зажиточным, авторитетным. У него было две жены. Старшая жена (бәйбіше), Кәридос, была из рода конырборик-майлык. Она подарила ему трёх дочерей и единственного сына. Самую старшую дочь звали Бәгибат. Её отдали замуж за Омарбека, сына очень богатого человека по имени Секе из самого зажиточного суанского рода — Мырзагелди. У Бәгибат родились два сына и две дочери. Жили они в Талдыкорганской области, в Кировском районе, в совхозе «Енбекши». Старшего сына звали Альдибек, младшего — Маулимбек, от них тоже пошло наше продолжение. А вот от второй дочери деда, к сожалению, потомства не осталось. Младшую Жену звали Дамели, она по рассказам была дочерью крупного бая. Мы всегда удивлялись ее аристократизму, в какой-то степени высокомерию. Она всегда одевалась очень дорого и модно по тем временам. Дома у нее всегда была абсолютная чистота, всегда белоснежное постельное белье. Отец ее очень уважал. Когда она ушла в иной мир, Папа оказал ей царские проводы и поставил общий памятник ей и своему отцу.

Единственным же сыном Токсанбая был мой отец — Батталхан. У него, как и у деда, тоже было две жены.

Старшую жену звали Рапия, и от неё родились сын и дочь. Сын — это я, Заманбек, а дочь звали Адас. У Адас родился единственный сын Серик,

Вторую жену отца звали Разике, она была дочерью человека по имени Өмір из албанского рода шажа. От этого брака родились два мальчика. Старший сын, Болысбек, погиб

на фронте во время Великой Отечественной войны. А младшего звали Сагынбек. Его называли так (от слова „сағыныш“ — тоска, ожидание), потому что он родился как раз в то время, когда наш отец Батталхан сидел в тюрьме в Кульдже, в Китае. В 1931 году отец освободился, и когда мы возвращались на родину, случилось несчастье: маленький Сагынбек, будучи совершенно здоровым, просто заснул во время кормления грудью на лошади и умер. Мы похоронили его прямо в пути, на берегу реки Или. А его мама, моя вторая сестра Разике, тяжело заболела и ушла из жизни уже после возвращения в родные края, в 1933 году.

Родословная и корни (Шежире)

Мы — истинные патриоты своей земли. И пусть сейчас времена непростые, мы не опускаем руки, ведь знаем: лучшее в жизни еще впереди, нужно лишь набраться терпения, мудрости и уверенности.

О моей семье

Я хочу оставить эти записи о своем роде для будущих поколений. Мы происходим из великого казахского рода Албан. Наша прямая генеалогическая линия идет следующим образом:

От Албана берет начало ветвь Кажбанбет;

От Кажбамета - Агымсары;

От Агымсары — Оразбак;

От Оразбака — Жаманкул;

От Жаманкула родился Майемер.

У Майемера было пятеро сыновей: Малай, Умитбай, Тохсанбай, Киндикбай и Мырзахан. К сожалению, Мырзахан и Киндикбай ушли из жизни еще в раннем детстве, не оставив после себя потомков.

От Малай и Умитбая пошли большие и крепкие ветви нашего рода. Их внуки и правнуки сегодня живут в Уйгурском районе, в селах Большой и Малый Дихан. У внука Малай — Далена — сейчас шестеро или семеро сыновей и дочерей. У Шынжырбая, который приходится внуком Умитбаю, тоже большая семья — семь-восемь детей.

Моим родным дедом был Тохсанбай. У него родился единственный сын — мой отец Батталхан. У самого Батталхана было трое детей.

Старший — это я (Заманбек), мой младший брат Болысбек героически погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны, а наша любимая сестра по имени Адас подарила жизнь сыну Серику. Сегодня Серик уже сам стал главой большого семейства — у него сын и две дочери. К

сожалению паин жипен \серик недавно ушел в лучший из миров

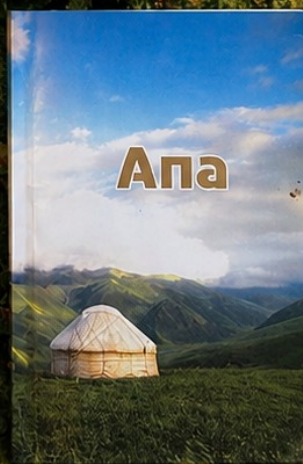
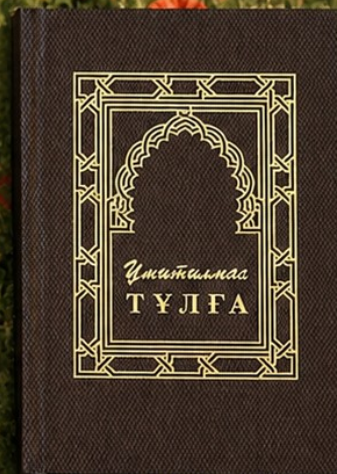
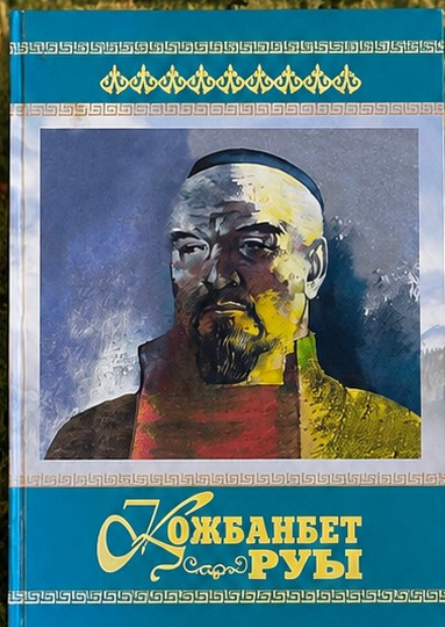
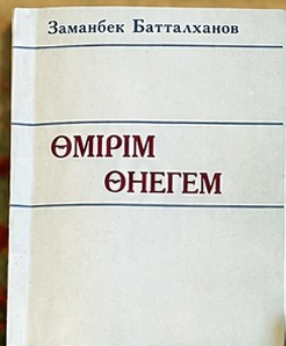
О своем дед Тохсанбае я уже немного упоминал в своей прошлой книге. И всё же я считаю, что повторить эти истории ради моих детей и внуков будет вовсе не лишним.

Дед Тохсанбай был человеком уважаемым, справедливым и видным в степи. В период между 1915 и 1920 годами земляки дважды избирали его волостным управителем (болыс). Он был значительно моложе моего отца... Когда началась война, мы отправились на фронт втроем, но вернуться суждено было только мне — ни отца, ни младшего брата Болысбека мне больше не довелось увидеть живыми.

Дед Тохсанбай был довольно зажиточным и крепким хозяином. В те времена наши родовые земли раскинулись у истоков рек Калжат и Большая Ашаноха, у самого подножия величественных Кетменских гор. Летнее пастбище (жайляу) деда располагалось на широкой и просторной равнине прямо под высокой вершиной, которую люди и по сей день уважительно зовут Пиком Тохсанбая («Тоқсанбай шоқысы»).

Зимовали же мы в долине между Калжатом и Большой Ашаной, где издавна обосновались потомки батыра Оразбака. Там, в живописном урочище Кызылтам, прямо у чистого горного родника дед построил добротный зимний дом, разбил роскошный сад площадью 12 гектаров и засеял поля зерновыми культурами. Этот чистейший источник до сих пор называют Родником Тохсанбая («Тоқсанбай бұлағы»). За садом и посевами круглый год бережно приглядывал наемный работник — узбек по имени Бек.

Сегодня, оглядываясь назад на свою долгую жизнь, у меня язык не повернется сказать, что я остался последним или одиноким из потомков Тохсанбая и Батталхана. Моей верной, Богом данной супругой и ангелом-хранителем нашего дома стала Калихан (Апа). Она — дочь близкого друга моего отца, почтенного Усенбая из нашего же аула, происходившего из благородного рода Шажы. Нас сосватали еще в раннем детстве, по старинному степному обычаю, а поженились мы в самом начале 1942 года, прямо перед моей отправкой на фронт...

4.2. Родовые корни и Кара шанырақ (О моей семье)

Родовое дерево

Балта

Балға

Оразбақ

Жаманқул

Мәйәмір

Тоқсанбай

Батталқан

Заманбек	Болысбек

Наше племя называется Албан, род Кожбанбет. Албаны делятся на две крупные ветви – Сары и Шыбыл.

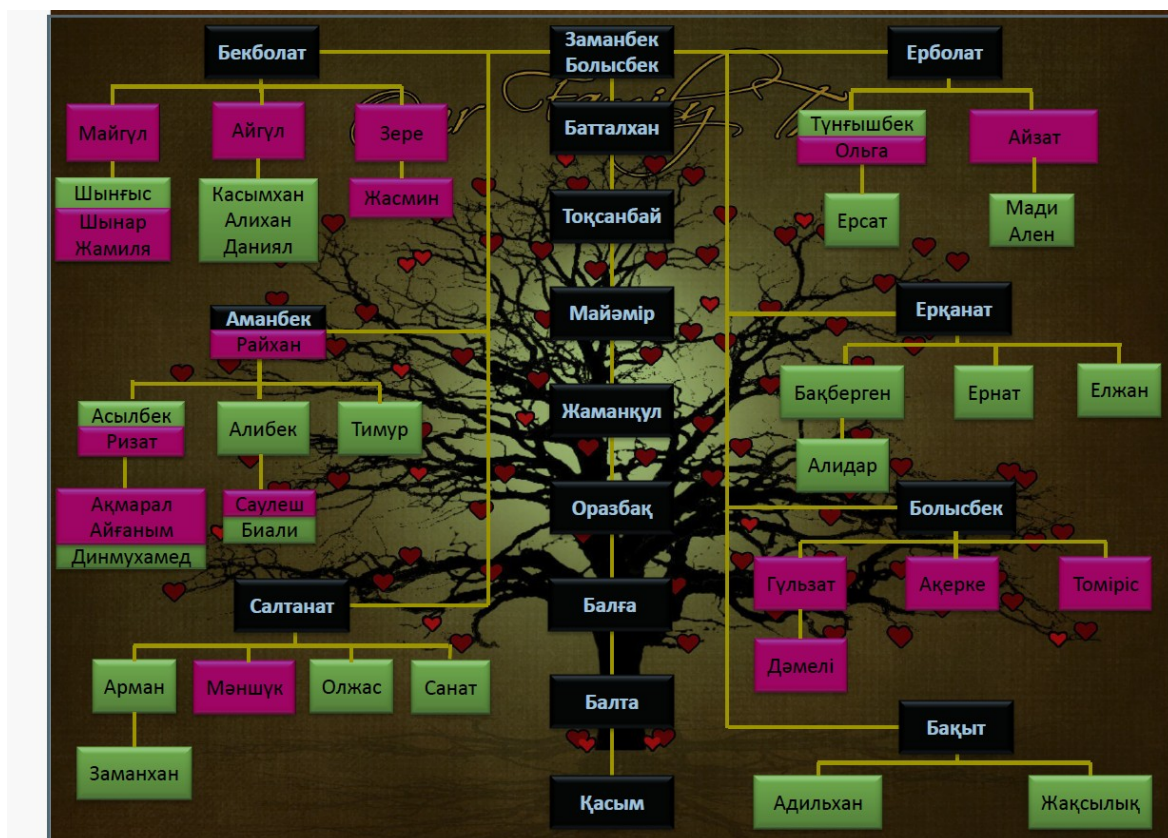
От Сары – Сүйеркул и Сүйменді. От Сұеркула - Шоған, Досалы, Кожбанбет, Жарты, Алжан и Шажа.

Кожбанбет- Ағымсары, Бесшал, Тілеу.

От Ағымсары – Елтоқ, Нұржау. От Елтоқа –Қасым, Сексен. Наша ветвь от Қасыма.

1. Қасым 1.1. Балта 1.2. Қылыш 1.3. Қиақ	10. Бекболат 10.1. Майгүл 10. 2. Айгүл 10.3. Зере	17. Майгүл 17.1. Шынғыс 1.7.2 Шынар 17.3. Жамиля	Гульза т Дәмелі Арухан Айқыз Аииша Зейнур
2. Балта 2.1. Балға 2.2. Айдар 2.3. Құтпанбет	11. Ерболат 11.1. Тұнғышбек <i>11.2. Айзат</i>	18. Тұнғышбек, Ольга 18.1. Ерсат	Акерке Тамина Альмин а Умар Хамза
3. Балға 3.1. Оразбақ 3.2. Жабық 3.3. Татан 3.4. Толебай	12. Аманбек, Райхан 12.1. Асылбек 12.2. Алибек 12.3. Тимур	19. Айгүл 19.1. Касымхан 19.2. Алихан 19.3. Даниял	Томир ис Касым
4. Оразбақ 4.1.Ақсақал	13. Ерқанат 13.1. Бақберген 13.2. Ернат	20. Асылбек, Ризат	

4.2. Аташ 4.3. Баташ 4.4. Жаманқул 4.5. Демесін 5. Жаманқул 5.1. Майәмір 5.2. Сүттібай 6. Майәмір 6.1. Малай 6.2. Үмітбай 6.3. Тоқсанбай 6.4.Мырзахан 6.5 Киндикбай. 7. Тоқсанбай 7.1. Батталхан 8. Батталхан 8.1. Заманбек 8.2. Болысбек 9. А Заманбек 9. 1. Бекболат 9.2. Ерболат 9.3. Аманбек 9.4 Ерқанат 9.5. <i>Салтанат</i> 9.6. Бақыт	(Жатқанбай) 13.3. Елжан 14. Салтанат 14.1. Арман 14.2. Олжас 14.3. Санат 14.4. Мәншүк 15. Бақыт 15.1. Адильхан 15.2. Жақсылық 15.3. Сафия	20.1 Ақмарал 20.2. Айғаным 202. Динмухамед 21. Айзат 21.1. Мади 22. 2. Ален 22.3. Тайыр 23. Алибек 23.1. <i>Саулеш</i> 23.2 Биали 23.3. Әліжан 24. Арман 24.1. Заманхан 24.2. Рапия 25. Зере 25.1 <i>Жасмин</i> 25.2. <i>Ансар</i> 25.3 <i>Алдияр</i> 26. Бакберген 26.1. Алидар 26.2.Дария 26.3.Асем 26.4.Мелисса 28. Ернат 28.1. Бекдайыр 28.2. Райымбек 28.3. Анель 29. Шынар 29.1. <i>Дениз</i>	Темирл ан
9. Б. Болысбек 9.6.1 Болысбек Бошан	9 б Болысбек Бошан Гульзат Акерке Томирис		

Родовое дерево на 2010 год

Для младшего поколения повторю ещё раз

Нашего родного прадеда звали Токсанбай. Он два созыва был болысом Ағымсары. Учитывая, что на территории нынешнего Уйгрского района избиралось всего два болыса, это была крупная должность а также признак уважения народа. Прабабушка Кәрідос. Деда звали Батталхан, бабушку Рапия.

Немного о том, почему мы росли с Нағаші Ата и Нағаші Апа. Если посмотрите родовое дерево, то увидите, что у Токасанбай Ата, был один сын, у Батталхана два сына. Болысбек не вернулся из фронта. Бабушка Рапия ушла раньше. То есть близких родственников у нас нет. Поэтому для нас дедушкой и бабушкой были только Усенбай и Бал.

Немного про аташек

Әке — Отец.

Ата — Дедушка.

Арғы ата — Прадедушка (отец дедушки).

Баба (или Ұлы ата) — Прапрадедушка.

Түп ата — Прапрапрадедушка.

Тек ата — Прапрапрапрадедушка.

Зат ата — Прапрапрапрапрадедушка.

Наша родословная ветвь от Оразбак батыра (Шежіре)

Чтобы наши дети, внуки и правнуки никогда не теряли свои корни и знали каждого родственника, я хочу оставить

здесь точную летопись нашей ветви, идущей от великого Оразбак батыра.

У Оразбак батыра были сыновья, и наш род продолжается от его сына Жамакула. Другие наши родственники — такие как покойные Елчибай, Елемес и Орман — идут от другого сына батыра, которого звали Аташ, поэтому они приходятся нам более дальней родней. Наша же линия выглядит следующим образом:

Түп Ата (Прапрадедушка) — Жамакул. У него было двое сыновей: Майамир и Суттибай.

Баба (Прапрадедушка) — Майамир. У Майамира родились пять сыновей, которые дали начало большим ветвям нашего рода: Малай, Умитбай, Токсанбай, Мырзахан и Киндикбай.

От этих пяти братьев древо разветвляется так:

Ветвь нашего Арғы Ата — Токсанбая:

У нашего большого деда Токсанбая был единственный сын — Батталхан (наш Аташка, командир пограничного отряда). У Батталхана, как я писал выше, родился мой отец — Заманбек.

Ветвь Малая (брата нашего Токсанбая):

От Малая пошли Делен, Делетай и Шокан. У Делетая родились дети: Сатыбалды, Куатбек, Алмасбек, Алматбек, Галима, Галина, Газиза и Галия. Все они приходятся нам близкими родственниками в четвертом колене (төртінші атадан қосылатын туыстар). Ближе этой ветви, увы, у нас по мужской линии никого не осталось.

Ветвь Умитбая (брата нашего Токсанбая):

У Умитбая были сыновья Тышканбай (тот самый известный акын по прозвищу Бухара) и Абилгазы. От Тышканбая родился сын Шынжырбай, а от него пошли Мауленбек и Даулет.

То есть сами близкие наши родственники увы это в четвертом колене, ближе нет.

Как это соотносится с казахской системой родства (для внуков)

Для внуков (если они вообще будут читать эту главу), для них поколения выстраиваются в безупречную цепочку «Жеті ата» (Семь предков) по вашей прямой линии:

Әке (Отец) — ваш сын.

Ата (Дедушка) — вы (Аманбек).

Арғы ата (Прадедушка) — ваш отец (Заманбек).

Баба (Прапрадедушка) — ваш дед (Батталхан).

Түп ата (Прапрапрадедушка) — ваш большой дед (Тохсанбай).

Тек ата (4-й прадедушка) — Мәйамір.

Зат ата (5-й прадедушка) — Жамақұл.

А основатель ветви — Оразбақ батыр. У которго было две жены. ОТ старшей – Ақсақал, Аташ, Боташ, Жаманқұл. От младшей жены – Қырғызбай, Қайқы.

4.3. История деда Тохсанбая и степная баня (Булау) ИЗ КНИГИ БОЛЫСБЕКА БАТТАЛХАНОВА «Апа»

Истоки рек Кольжат и Большая Ашаноха берут свое начало в Кетменских горах. Мой дед Тохсанбай был человеком весьма зажиточным и уважаемым. Его летнее жайлау располагалось на просторном плато к западу от высокой вершины, которую в народе по сей день зовут «Тохсанбай шоқысы» (Пик Тохсанбая).

Зимой же наш род, потомки батыра Оразбака, обосновывался в живописном сай (лощине) «Кызылтам», лежащем между Кольжатом и Большой Ашанохой. Там, у самого истока родника, дед воздвиг большой зимний дом, разбил огромный сад на 12 гектаров, сеял хлеб и зимовал со всем хозяйством. За этим родовым садом и пашнями круглый год присматривал нанятый работник — узбек по имени Бек. А сам этот чистейший источник люди до сих пор называют «Тохсанбай бұлағы» (Родник Тохсанбая).

Опровержение мифа о казахской бане (Булау)

Пользуясь случаем, я хочу прояснить один важный исторический момент. Некоторые люди по незнанию или поверхностному уму утверждают, будто у казахов в прежние времена никогда не было стационарных бань. Это совершенно не так, и у меня есть прямое, осязаемое доказательство.

В зимнем доме нашего деда была устроена настоящая, отдельная комната-баня, которую в народе называли «Булау». Внутри неё находился большой очаг, над которым были прочно установлены два огромных казана для горячей воды. Очаг этот был устроен по уникальному инженерному

принципу номадов: горячий воздух и дым из него проходили по специальным подпольным каналам («қаң»), обогревая тем самым всё здание, и лишь затем выходили на улицу через высокую дымоходную трубу («моржа»).

Сверху и по бокам эти подземные ходы-обогреватели были аккуратно выложены плоским диким камнем. Когда печь сильно протапливали, камни раскалялись докрасна. На этот каменный настил укладывали плетеные камышовые циновки («бойра»), а поверх них застилали плотные войлочные ковры («сырмақ»). На таком мягком, прогретом ложе люди лежали, распаривались, потели и с удовольствием мылись. Место, где когда-то стоял этот уникальный очаг нашего деда, отчетливо видно и в наши дни.

В юности я не раз слышал от старожиллов и ровесников деда теплые воспоминания о том, как в зимние стужи они собирались вместе и ходили париться в знаменитую баню Тохсанбая. Так что разговоры об отсутствии бань и гигиены у казахов — это пустые домыслы людей, оторванных от своих корней.

4.4. Құралайдың көзі. Воспоминание о Ата

Мой дед, Ата, Батталхан, был человеком необычайной силы, метким стрелком, мергеном, с поистине стальной волей. Отец часто говорил, что больше всех из нас на него похож мой брат Ерканат.

А эту историю я знаю со слов старшего брата Бекболата. Так вот, слушайте, как оно было.

Вернулся Ата с войны — весь израненный, больной, еле на ногах держался. А времена стояли голодные, лютые. Война ещё не кончилась, всё для фронта, всё для победы — это не просто слова были, это жизнь. Мужиков в ауле почти не осталось, одни старики да Женщины с детьми. Люди откровенно голодали. И тогда дед наш, сын Токсанбая, который болысом у рода Ағымсары был, понял: не отсидеться, не отлежаться — он, раненый, хромой, а всё равно должен людей кормить. Потому что больше некому.

А он охотником был от Бога. Лучшим в округе. И вот, несмотря на свои раны, уходил в горы — за оленем, за

маралом. И днями там пропадал, и ночами. Дорога туда и обратно не один день занимала, а то и все три, четыре. Тяжело ему было — идёшь, бывало, а раны кровоточат, ноги не слушаются. Но он шёл.

Когда он добывал очередного зверя, один из мальчишек садился на быка и поднимался в горы. Грузили тушу на быка — и ребёнок вёз её в аул. А дед оставался, чтобы бить дальше. Так он аул и кормил. И те мальчишки, что мясо возили, тоже навсегда запомнили, каково это — ночью в горах, со свежей олениной, под звёздами, ради того, чтобы у людей завтра была еда.

А под самый конец, незадолго до смерти, случилось вот что.

Снова ушёл Ата в горы. И за короткое время добыл одиннадцать оленей. Одного за другим отправлял с ребятами в аул. А потом выследил двенадцатого. Выстрелил — и промахнулся. А ведь он никогда в жизни не промахивался. Никогда. Гордый был дед, ох как гордый. Не смог он этого так оставить. Пошёл искать раненого зверя. Нашёл — выстрелил снова. И снова мимо.

Тут уж не то что гордость — вся внутри перевернулась. Но он не сдался, пошёл в третий раз, выследил, выстрелил — на этот раз попал. Двенадцатый олень упал прямо перед ним, поднял голову и посмотрел ему в глаза перед самой смертью. *Құралайдың көзі* — как говорят казахи, глазами юной лани. Тихо так, не зло. словно прощаясь и прощая.

Вернулся дед домой. Всю ночь просидел, обнимая свою дочку Адас, так и не отпуская её. А под утро сказал всего одно слово: «Зря я убил того оленя». И в ту же ночь его не стало.

Вот такой был наш дед. Человек, каких поискать.

4.5. Оразбақ батыр

История нашей семьи — это не просто череда дат, это живая ткань памяти, в которой переплелись великие подвиги предков, защищавших родную землю, и тихое, благородное величие наших матерей. Для наших детей, внуков и правнуков я хочу оставить эти две истории, чтобы они всегда помнили, какого великого рода они продолжатели.

Подвиг Оразбак батыра: Ночной рейд в ставку Галдан-Церена

Наш род продолжается от великого **Оразбак батыра** (сына Жамакула, идущего от Оразбака по линии его второй жены). С 16 лет он сел на коня, отличался мудростью, даром предвидения и в свое время вершил суд и правил над всеми родами Албан и Кожбанбет. Он был истинным «сері» (степным аристократом) и отважным воином.

В тот судьбоносный период освободительной войны против джунгар силы были неравны. Войска калмыцкого предводителя Галдан-Церена значительно превосходили по численности ополчение Райымбек батыра — примерно в 2–2,5 раза. Прямое столкновение в лоб грозило обернуться огромными потерями для казахов. Понимая это, Райымбек батыр принял стратегическое и очень рискованное решение. Он вызвал к себе Оразбака и еще одного доверенного воина, Малая, и изложил свой план.

Райымбек рассудил так: Галдан-Церен сейчас беспечен, он увлечен своей молодой токалка (младшей женой), почивает в шатре и не ждет опасности. Нужно выкрасть самого предводителя! Если захватить джунгарского хана живым, его войско будет деморализовано и вынуждено пойти на переговоры об освобождении казахских территорий. Выполнение этой смертельно опасной спецоперации Райымбек батыр доверил самому молодому тысячнику — нашему предку Оразбаку, назначив его командиром отряда.

Оразбак батыр проявил себя не только как отважный воин, но и как гениальный тактик. Для налета он выбрал идеальный момент — глубокую ночь, когда пошел сильный проливной дождь и опустился густой степной туман. Оразбак отобрал отряд из 20 самых крепких, вооруженных и выносливых сарбазов. Что примечательно, на задание они отправились пешком, скрытно пробираясь сквозь пелену ненастья, а в полукилометре от вражеского штаба оставили наготове четырех лучших скакунов.

Примерно в два часа ночи отряд Оразбака бесшумно подошел к ставке Галдан-Церена. Оразбак лично возглавил захват передового дозора. Пятеро джунгарских часовых, стоявших в карауле, оказались изрядно пьяны. Сарбазы бесшумно скрутили и обезвредили их, не дав поднять тревогу.

Проникнув в главный шатер, Оразбак батыр застал джунгарского правителя врасплох. Галдан-Церена вместе с его молодой женой мгновенно связали, засунули им в рты

хлопковую вату, чтобы они не могли кричать, и упаковали в два огромных матерчатых мешка. Мешки бережно закрепили между четырех приготовленных лошадей и во весь опор пустились обратно — в ставку Райымбек батыра, которая располагалась на холме, вошедшем в историю под названием «Қалмақ қырған» (Место, где были разбиты калмыки).

Пленение верховного хана полностью изменило ход войны. Как и рассчитывал Райымбек, оставшись без предводителя, джунгары потеряли волю к сопротивлению. Чтобы вернуть своего правителя живым, они безоговорочно приняли условия казахов и согласились добровольно покинуть священные земли Семиречья.

Райымбек батыр проявил благородство. Он одел Галдан-Церена в дорогие одежды, вручил ему золотую саблю, копье, посадил на белого скакуна и вернул его народу с титулом «Верховного главнокомандующего». Однако, чтобы джунгары вероломно не отбили своего хана обратно, Райымбек держал Галдан-Церена под охраной в Есикском ущелье, в 150–200 километрах от основного штаба, до тех пор, пока всё джунгарское войско полностью не пересекло границу. Лишь когда последние вражеские сарбазы ушли, на холме «Қалмақ қырған» джунгарам официально передали их правителя.

Благодаря этому подвигу, калмыки без боя освободили благодатные жайлау Темирлик, Кеген, Каркара и Шалкоде. Но оставалась еще одна задача: необходимо было очистить от врага правобережье реки Или — районы Большого и Малого Калкана и предгорья Жаркента. Райымбек батыр поручил эту миссию Оразбак батыру, который, объединив усилия с Шормак батыром, окончательно выбил остатки джунгарских отрядов. Они погнали врага дальше, соединились с сарбазами великого Кабанбай батыра и через Джунгарские ворота навсегда прогнали захватчиков за пределы хребтов Джунгарского Алатау.

После этой великой победы Райымбек батыр собрал курултай и справедливо разделил отвоеванные земли между родами Албана для вечного владения. Нашему крылу **Кожбанбет** Райымбек батыр выделил обширную южную степь вдоль реки Или, южные и северные склоны гор Кетмень, а также все жайлау Шалкоде, где наш род мирно живет и по сей день.

4.6. Из книги Батталханова Заманбека «Өмірім Өнегім»

4.6.1. Как отец попал в китайскую тюрьму

Расскажу коротко о том, как мой отец Батталхан вообще оказался в застенках Кульджи. Наш род — Агымсары, мы происходим из албанского рода Кожбанбет. И испокон веков наши люди жили так: летом кочевали на пастбищах Шалкоде, Каркара и Сырт, откармливали скот, а зимовать спускались в Нарынкол (в местечки Жабыркакпак и Шалкоде). Иногда переваливали через горы Кетмень и зимовали вдоль реки Или в районе Кызылтама.

Я смутно, но помню зиму 1928–1929 годов. У моего отца был бажа (свояк) Смагул — старший сын знаменитого Жаменке. Моя вторая мама Разике и жена Смагула были родными сёстрами. Вот по этой причине мы и зимовали тогда вместе, прямо в зимовке Жаменке в Какпаке. Помню, как отец с матерью часто разговаривали по вечерам и вспоминали, как участвовали в айтысе со знаменитым поэтом Танжарыком, который незадолго до этого приехал из Китая. О Танжарыке я еще напишу позже.

Отзимовав в Какпаке и проведя лето на Шалкоде, осенью 1928 года мы двинулись в путь. Перевалили через Кетменьские горы и расположились у самого начала Кольжата, в местечке Казакбулак. Это было время великого кочевья и смуты. В те дни крупные баи всюду перегоняли скот и бежали в Китай. И вот бандиты угнали и наш табун лошадей (там было пять-шесть хороших косяков с айгырами) и ушли через границу в Китай.

Отец, терзаемый горем от потери скота и жаждой мести, решил бороться. Он вступил в коммунистический пограничный отряд. Сначала был рядовым бойцом, но вскоре за отвагу его назначили командиром этого отряда. Они провели немало жестоких стычек с бандами на самой границе. Я сам помню, как отец рассказывал, с какими бандами они перестреливались: упоминал знаменитых главарей Сыланкожу и Кокимета из Кегенского и Нарынкольского районов, Дару из Чилика и многих других.

Во время одного из таких боёв на самой границе в Кольжате под отцом застрелили коня. Он отбилсЯ от своих товарищей, патроны закончились, и его взяли живым. Так мой отец оказался в суровой кульджинской тюрьме в Китае. Было это примерно глубокой осенью 1929 года.

Спасение из Кульджи

Мы тогда остались зимовать в Кольжате, в старой предковской зимовке Шақырма. А когда наступило лето, мои мамы (Рапия и Разике), видимо, выхлопотали разрешение в Жаркентском пограничном отряде, чтобы поехать в Китай и попытаться увидетьсЯ с отцом. Нас официально пропустили через заставу Жаркент — Коргас. На той стороне нас встретили люди, посадили на телегу и привезли в город Кульджа, где мы сняли небольшой домик.

Оказалось, что в той же тюрьме, прямо в одной камере с моим отцом, сидел и тот самый великий поэт Танжарык. Они подружились и общались как родные братья. Видимо, они сошлись еще в 1927-1928 годах, когда Танжарык полтора-два года ходил по Нарынкольскому району и гостил у нас.

Где-то через две недели или месяц после нашего приезда Танжарык вышел на свободу раньше отца. Помню, как каждую пятницу богатые и знаменитые кульджинские баи, такие как Жакыпбай и Усенбай, привозили к воротам тюрьмы огромные тай-казаны и раздавали заключенным горячий плов. Мы носили этот плов в ведрах и ели все вместе. У Танжарыка тогда на руках была маленькая двухлетняя дочка с длинным чубчиком (тұлым). Это была Сара, которая позже жила здесь, в Алма-Ате, со своими детьми. Эту Сару потом выдали замуж за нашего родственника, известного акына Бухару (по прозвищу Тышканбас). В 1961 году они вернулись из Китая на родину, обосновались в Панфиловском (Жаркентском) районе в селе Коныролен, откуда была родом мать Сары. Позже по наводке её матери Сара вместе с мужем

разыскали меня в Жаркенте, и мы снова встретились и обнялись спустя столько лет...

Но вернусь к отцу. Мы прожили в Кульдже то ли два, то ли три месяца, как вдруг неожиданно к тюрьме пришел освободившийся Танжарык. Он о чём-то жестко поговорил с начальством тюрьмы, они разбили кандалы на ногах моего отца и выпустили его! Танжарык буквально в течение суток тайно переправил нас через кордон Коргас. Наши пограничники встретили нас, мы благополучно прибыли в Жаркент, перезимовали там, а в 1931 году на повозке с двумя лошадьми, предоставленной отрядом, переправились через Или и вернулись в родной ауыл в Кольжате.

Последний бой Батталхана

Отец прожил дома чуть больше десяти лет. В июле 1942 года его призвали на фронт. Он прошел всю войну, был дважды ранен. Самое последнее, тяжелое ранение он получил в Восточной Пруссии за несколько дней до Победы — 28 апреля 1945 года. Из госпиталя в Ленинграде его выписали только 15 сентября, и в конце месяца он вернулся в ауыл. К глубокому горю, раны были слишком тяжелыми, здоровье было подорвано, и 28 мая 1946 года нашего отца Батталхана не стало...

Из-за того, что мы так мало побыли вместе после его возвращения с войны, я совсем немного знаю о деталях нашей жизни в Кульдже. Но одно я помню четко: отец до самого своего последнего вздоха с огромной благодарностью и теплотой вспоминал поэта Танжарыка, имя которого никогда не сходило с его уст».

Мой аул назывался колхозом имени Молотова

Дворов было чуть больше шестидесяти.

Большинство работавших были женщины.

Мужчины — вернувшиеся с войны ранеными или уже пожилые люди.

Некоторые из них были больны.

Даже в ауле положение было очень тяжёлым.

О медицинской помощи и говорить не приходилось.

Во всём Кетпенском участке (в том участке было 8 колхозов и 8 больших и малых аулов)...

В Кетпенском участке, который состоял из 8 колхозов и нескольких больших и малых аулов, был только один врач и 15 фельдшеров.

Они располагались в центральных усадьбах колхозов.

В те годы среди населения было много различных болезней.

Особенно тяжело люди переносили болезни желудка, тиф и туберкулёз.

Многие дети умирали ещё в младенчестве.

Несмотря на все трудности, народ не терял надежды на будущее.

Люди помогали друг другу, делились последним куском хлеба, вместе поднимали хозяйство.

Работали с раннего утра до позднего вечера.

Женщины трудились на полях, ухаживали за скотом, растили детей.

После войны многие семьи остались без кормильцев.

Во многих домах жили вдовы и сироты.

Но люди старались поддерживать друг друга морально и духовно.

Я тоже постепенно начал привыкать к мирной жизни.

Старался быть полезным своему аулу и своему народу.

4.6.2. Подвиг Сыдыка Оспанбаева.

В этой книге мне хочется выразить особую сыновнюю благодарность и почтение мужу старшей сестры моей супруги Калихан — Сыдыку Оспанбаеву. Он стал для нашей семьи настоящим покровителем, старшим наставником и во многом заменил мне родного брата.

Сыдык родился в 1917 году. Окончив семилетнюю школу, он поступил в Жаркентское двухгодичное педагогическое училище. Получив диплом просвещенца, в 1939 году он работал заведующим школой в селе Кумтекей Кегенского района, а с 1940 по 1941 год возглавлял школу «Жалаулы». Именно оттуда его призвали в ряды Красной Армии. Он отважно воевал на передовой, в 1944 году ненадолго приезжал в родной ауыл после тяжелого ранения, но, едва встав на ноги, вновь вернулся в строй.

18 апреля 1945 года, не дожив до Великой Победы всего несколько недель, Сыдык Оспанбаев героически погиб от немецкой пули в Восточной Пруссии. Пусть земля ему будет пухом. Мы всегда молимся о нем и свято чтим его светлый образ.

В те предвоенные годы коллективизация в Казахстане и республиках Средней Азии только-только завершилась (примерно к 1939 году). Собственных типовых зданий для учебных заведений катастрофически не хватало, их только начинали строить. Большинство первых советских аульных школ тогда временно размещали в уцелевших зданиях бывших мечетей и церквей. Государство лишь начинало

выделять целевые средства на строительство новых школ и объектов культуры, и такие люди, как Сыдык, были первыми факелами знаний в степи.

4.6.3. Подвиг Тышканбая и наши родственные союзы

В истории нашей семьи были люди удивительной преданности, отваги и ума. Одним из таких был двоюродный дядя моего отца (немере аға) — Тышканбай Умитбаев. Он был невероятно мудрым и решительным человеком. В свое время, когда мой отец Батталхан оказался без вины заключенным в суровой тюрьме города Кульджа (в Синьцзяне), именно Тышканбай проявил бесстрашие: рискуя головой, он сумел разузнать, где находится эта закрытая тюрьма, пробрался туда и приложил нечеловеческие усилия, чтобы вызволить моего отца на свободу.

От этого благородного человека осталась единственная дочь — Мейрамхан. А у самой Мейрамхан родились две замечательные дочери — Шолпан и Нурсулу. Так как их матери рано не стало с нами, обе эти девочки стали для меня родными дочерьми — я сам воспитал их, согрел отцовским теплом и лично выдал замуж, со всеми почестями проводив из родного дома («қолымнан ұзаттым»). Сегодня у них уже взрослые дети — шесть-семь сыновей и дочерей, которые выросли достойными людьми. Шолпан уже сама успела понянчить и поддержать на руках своих любимых внуков. Мой зять — муж Шолпан — Мухаметжан, единственный и оберегаемый сын в своей семье, родом из нашего же аула. Он прекрасный, надежный человек, который трепетно заботится о доме и делает всё, чтобы его близкие жили в достатке и гармонии.

В народе не зря говорят мудрые, проверенные веками слова: «Земля зеленеет от пролившегося дождя, а народ разрастается и крепнет благодаря сватам и родственникам» («Жаңбыр мен жер көгерер, жегжатпен ел көбейер»). По воле Всевышнего, наш кара шанырак связал себя узами родства с замечательными, высокопорядочными сватами из самых разных регионов — от Кызылорды и Жамбыла до Алматы.

Среди них — живущие в Шонжы почтенные Абен и Закан. Мои дорогие, близкие сердцу сваты — Ахметжан Жанпейисов и его супруга Айзахан — это уважаемые, благородные родители моей старшей снохи (келін) Асии.

Есть у нас и другие прекрасные, высококультурные сваты: отец нашей невестки Райхан приходится двоюродным братом (немере бауыры) отцу знаменитой на весь мир народной артистки, легендарной казахской танцовщицы Шары Жиенкуловой.

Наши сваты из Аулиеаты (Жамбылская область, поселок Луговой) — Райкул и его супруга Сымбат — это замечательные родители нашей невестки Гаухар, супруги нашего сына Ерканата.

А почтенный сват Жумабай Мадетбаев, заслуженный артист Казахской Республики, и его супруга Фарида — родители Гулайым, супруги нашего сына Болысбека. Все они стали для наших детей прекрасными, почитаемыми старшими наставниками.

Я намеренно и очень подробно записываю все эти славные имена одно за другим на страницах своей книги. Жизнь быстротечна, годы уходят, и на смену нам уверенно приходит новое поколение. Пусть наши дети, внуки и правнуки читают эти строки, твердо знают свои корни и помнят, с какими достойными, чистыми душой и сердцем людьми мы дружили, роднились и строили нашу жизнь.

4.6.4. Романтическая история свата Ахметжана

Не могу не запечатлеть на этих страницах одну удивительную, очень теплую и забавную историю, которая произошла в молодости с моим ровесником и дорогим сватом (құда) Ахметжаном. Он был человеком искрометного, тонкого юмора, прекрасным собеседником и непревзойденным мастером добрых шуток. Если я не запишу этот случай, о котором мы так часто со смехом и ностальгией вспоминали в кругу друзей у костра, то буду чувствовать вину перед духом моего покойного брата Ахметжана.

В победном 1946 году Ахметжан благополучно вернулся домой с фронта Великой Отечественной войны. Ему было всего 24 года — статный, высокий, белолицый, настоящий красавец-офицер, чью грудь украшало множество боевых орденов и медалей. В те тяжелые послевоенные годы большинство молодых парней, к скорби народной, так и не вернулись с полей сражений. В городах и селах подрастало много прекрасных девушек, которые с тревогой и тайной надеждой думали о своем будущем, уповая на милость Всевышнего — приведет ли судьба в их края хоть кого-то из уцелевших солдат, суждено ли им обрести женское счастье?

Ахметжан в то время жил вместе со своей матерью в Теренозекском районе Кызылординской области. Мать души

в нем не чаяла и со словами: «Лишь бы мой единственный сынок вернулся живым из этого пекла, всё для него отдам», — выделила ему лучшего, верного коня по кличке Тлеулес. На этом статном коне молодой офицер Ахметжан каждый день гордо проезжал через Тасбогет (каменную плотину) по пути в город на службу.

В том же Тасбогете жила молодая, скромная девушка по имени Айзахан, дочь местного авторитетного и уважаемого кожа. Каждый день, видя из окна проезжающего мимо красивого всадника в офицерской шинели, она замирала, вздыхала и думала про себя: «Ойпыр-ай, какой благородный, видный и мужественный джигит! Если бы Всевышний дал мне мужа, то только такого!» Но строгие степные приличия тех лет не позволяли девушке первой подойти, и официального повода для знакомства никак не находилось.

Понимая, что судьбу нужно брать в свои руки и упускать такого парня нельзя, Айзахан решилась на невинную девичью хитрость. Она собрала верных подруг и подговорила их устроить веселую «засаду» прямо у дороги у Тасбогета. Выбрав живописное место чуть в стороне от плотины, где буйно цвели и благоухали заросли чингиля, дикой джиды и горькой полыни, девушки стали караулить Ахметжана. Они делали вид, будто просто беззаботно собирают степные цветы, смеются и гуляют на свежем воздухе, хотя сами заранее до минуты рассчитали время, когда красивый офицер должен был возвращаться со службы на своем верном Тлеулесе...

Этот романтический степной план увенчался полным, абсолютным успехом. Айзахан обратила на себя внимание молодого фронтовика, позже стала его законной и горячо любимой супругой, хранительницей его очага и родила ему прекрасную дочь — Асию, которая спустя годы вошла в наш дом как благородная старшая сноха, супруга нашего Заманбека и мама нашего Аманбека. Вот так удивительно переплетаются человеческие судьбы и забавные истории нашей молодости!

5. Род Шажы и память родной земли

5.1. Шажы

Род Шажы был частью большой истории Жетысу. Через семейные рассказы, старые воспоминания и простые разговоры у дастархана до нас доходила память о предках, о жайляу, о трудной, но достойной жизни степных людей.

Для нашей Апы всё это было не просто прошлым. Это была сама жизнь. Она выросла среди людей, которые ещё помнили старые кочёвья, знали древние дороги, уважали землю и хранили родовую память как святыню.

Наверное, поэтому в её характере всегда чувствовались внутренняя сдержанность, спокойствие и особое достоинство степного человека.

Родовая линия: Албан - Сары - Шоган абыз - Шажа.

Полная родовая линия (от истоков до рода Шажа)

Родовая цепочка до формирования рода Шажа выглядит так:

1. Уйсін (Уйсун)
2. Бәйдібек баба (Байдибек би)
3. Жарықшақ — от него происходят три крупных рода: Албан, Суан и Дулат
4. Албан — делится на два больших крыла: Сары и Шыбыл
5. Сары — от него идут Сүйерқұл и Сүйменді
6. Сүйерқұл — считается родоначальником объединения «Сегіз Сары» («Восемь Сары»)
7. Шоған абыз (Шоган Сүйерқұлұлы, 1584-1642) — известный предсказатель, мудрый судья и уважаемый человек своего времени
8. Шажа (в старых религиозно-исторических записях — Үмбет)

История имен: Алжан и Шажа

Согласно шежире Жетысу, у Шоган абыза было четыре сына, ставших родоначальниками больших ветвей рода:

Тұғыжым

Дәуім

Алжан (настоящее имя — Мәмбет)

Шажа (настоящее имя — Үмбет)

В народе Мамбета и Умбета почти всегда называли Алжан и Шажа.

Существует предание, что спокойного и покладистого Мамбета отец особенно любил и ласково называл: «Ал, жаным» («Ну, душа моя»). Со временем это обращение превратилось в имя Алжан.

Младшего Үмбета, родившегося уже в пожилом возрасте отца или отличавшегося особым характером, стали называть Шажа. Так это имя и осталось в народной памяти.

Внутреннее деление рода Шажа

Со временем род Шажа разросся и разделился на несколько основных ветвей:

Үмбет

Өтеген

Рысқұл

Оразәлі (Оразали) — к этой ветви, по семейным рассказам, относились Асанбай, Бабай батыр и Усенбай. Моя версия, Бекболат сказал, что они из подрода Дуйче. Про эту ветвь я ничего не нашел

Құттыабыз

Күшік

Жөгі

Сегодня потомки этих ветвей проживают в Карадалы и соседних районах Жетысу.

Историческое расселение

На протяжении веков род Шажә жил на землях Жетысу, владел пастбищами, зимовками и водными источниками.

К сожалению, у Асанбая, Бабая и Усенбая не было сыновей, и эта ветвь рода со временем прервалась. Такова жизнь. Остались дети по женской линии, но жиены продолжают уже другой род.

И всё же род жив не только по мужской линии.

Пока сохраняется память — продолжается и сам род.

Мы помним Сәнбай Ата и Бал Апа, помним их труд, характер, силу духа, их простую и достойную жизнь. И пока эта память живёт в нас, пока о них рассказывают детям и внукам — они остаются рядом, а их род продолжается в наших сердцах.

5.2. История трёх братьев и дороги длиною в двадцать лет

Восточная сказка, которая была былью

Эту историю рассказал мой старший брат Бекболат. Она похожа на легенду из «Тысячи и одной ночи» — страшноватую, почти невероятную, но правдивую. Это была быль.

Часть первая. Сироты

В маленьком ауле Ашанохы, что у самого подножия Джунгарского Алатау, недалеко от китайской границы, жили три брата: **Асанбай, Бабай и Усенбай**. Они выросли без родительской ласки — жетім балалар. Никто не укрывал их тёплым одеялом по ночам, никто не пел им колыбельных у очага. Только друг у друга и было что.

Асанбай был старшим — строгим, молчаливым, с тяжёлыми руками и ещё более тяжёлым взглядом. Бабай — средним, спокойным и рассудительным, тем, кто мирил всех и всё держал в голове. А Усенбай, младший, был живым, быстрым, с вечно всклокоченными волосами и глазами, которые смотрели куда-то дальше, чем видели другие.

Они держались друг за друга крепко — как три саксаула, выросшие из одного корня на ветреном склоне. Вместе они пасли овец, вместе таскали воду из родника, вместе согревались холодными ночами. Что у них было? Чуть-чуть скота, рваные чапаны и память о матери, которую они уже начинали забывать.

Но этого им хватало. Потому что они были братьями.

Часть вторая. Пропажа

Однажды, когда Усенбаю было всего тринадцать лет, он пропал. Бесследно. Как сквозь землю провалился.

Говорят, в тот день он ушёл далеко в горы — за овцой, которая отбилась от отары. А может быть, его позвал ветер, бродивший по ущельям. А может быть, сама судьба уже натягивала свою невидимую нить, сплетая узор, который никто не мог разгадать.

Солнце село. Усенбай не вернулся.

Асанбай и Бабай искали его всю ночь. Они кричали в темноте, пока не сорвали голоса. Им отвечало только эхо, равнодушное и далёкое.

На следующий день поднялся весь аул. Мужчины прочёсывали окрестные долины, заглядывали в каждую расщелину, поднимались на перевалы. Ни следа. Ни обрывка одежды. Ни следа копыт.

Братья не спали ночами. Они сбивали ноги в кровь, обшаривая берега горных рек — не унесло ли водой? Они расспрашивали дальних пастухов, стариков, случайных путников. Никто ничего не видел.

Усенбай исчез. Будто горы проглотили его и не захотели отдавать.

Часть третья. Двадцать лет поиска

Но братья не сдались.

Асанбай и Бабай искали его годами. Не месяц. Не год. **Двадцать лет.**

Это невозможно представить. Двадцать лет вставать с мыслью: «Где он?» Двадцать лет ложиться с мыслью: «Может, завтра?» Двадцать лет вглядываться в лица незнакомцев, надеясь увидеть знакомые черты.

Они искали его в дальних аулах, за перевалами, на землях других родов племени Албан. Ездили в киргизские аулы, где говорят на другом наречии и где чужакам не всегда рады. Обыскивали земли дулатов и суанов — соседей, иногда друзей, иногда соперников.

Ничего.

— Может, его уже нет в живых? — говорили люди. — Может, волки съели? Может, утонул? Зачем искать столько лет?

Асанбай молчал. Бабай качал головой.

— Брат не умирает, пока мы его помним, — говорил Бабай. — И пока мы ищем.

Они постарели за эти двадцать лет. Волосы поседели. Спины согнулись. Но огонь в груди не погас.

Часть четвёртая. Слух на Шёлковом пути

А мимо, совсем недалеко от аула, проходил Великий Шёлковый путь. Древняя артерия, по которой веками текли караваны, люди, товары, новости и судьбы. Слухи на Шёлковом пути летели быстрее ветра.

И вот однажды — через двадцать лет после пропажи — в аул докатился тот самый слух.

То ли какой-то дальний родственник, то ли случайный путник, шедший с караваном из Ферганской долины, сказал:

— Я видел в городе Андижане мужчину. Казаха. Лет тридцати. Лысый на макушке. На шее — большая родинка. Молчаливый, работающий, глаза грустные.

Асанбай и Бабай переглянулись. Сердце застучало так, что, казалось, его было слышно на весь аул.

— Это он, — прошептал Асанбай.

— А если нет? — спросил кто-то.

— Тогда будем искать дальше, — ответил Бабай.

Они не раздумывали ни минуты. Собрали немного еды, деньги — какие были, — оседлали коней и отправились в путь.

Часть пятая. Дорога братьев

Это была не просто дорога. Это был подвиг.

Они ехали через горы. Джунгарский Алатай встречал их снежными вершинами и ледяными ветрами. Тропы были узкими — лошади едва проходили. Ночевали прямо под открытым небом, прижавшись друг к другу спинами. Асанбай молился. Бабай не спал, сторожил огонь.

Они пересекали степи, где ветер гнал перекасти-поле и где единственным ориентиром были звёзды. Переправлялись через быстрые реки, где вода пахла ледниками. Проезжали через чужие земли — земли узбеков, таджиков, киргизов, — и везде спрашивали:

— Не видели ли вы казаха? Тридцать лет. Лысый. С родинкой на шее?

Люди отмахивались. Кто-то звал их ночевать в свои дома — во имя Аллаха, во имя гостя. Кто-то гнал прочь. Братья не обижались. Они просто ехали дальше.

— Сколько ещё? — спрашивал Асанбай.

— Сколько нужно, — отвечал Бабай.

Они ехали неделями. Может быть, месяцами. Время на такой дороге теряет смысл. Важно только одно — брат там, впереди. Он ждёт. Даже если сам не знает об этом.

Часть шестая. Караванная сказка Усенбая

А теперь представьте себе другую дорогу. Дорогу Усенбая.

Когда тринадцатилетний мальчик заблудился в горах, он не знал, что это — начало самого долгого пути в его жизни.

Три дня он брёл по ущельям, ничего не видя, кроме камней и неба. На четвёртый день, когда голод уже начинал сводить живот, а в глазах темнело, он увидел караван.

Это был караван узбекского купца, сухого старика с длинной седой бородой. Купец говорил на смеси тюркских

наречий, но заметил в глазах мальчика что-то такое, что не позволяло проехать мимо.

— Работать умеешь? — спросил он.

Усенбай кивнул.

— Есть будешь?

Усенбай кивнул ещё сильнее.

Так он стал погонщиком верблюдов. Он пас животных на привалах, разгружал тюки, носил воду, чистил котлы. Он работал от темна до темна, а ночью сидел у костра и слушал разговоры взрослых — о дорогах, о товарах, о том, где вода, а где бандиты.

Через полгода старый купец заболел и умер. Караван распался. Усенбай остался один.

И пошло-поехало.

Он переходил из рук в руки, как монета, которую никто не хочет хранить долго. Его продавали? Меняли? Нанимали? И то, и другое, и третье.

Он пас овец у киргизского бая в горах Алая. Зимой там было так холодно, что замерзал чай в пиале, а Усенбай спал с ягнятами, чтобы согреть их — и себя.

Он работал на хлопковых полях в Фергане, где солнце жарит так, что кожа слезает с плеч, как старая кора. Он копал арыки, рубил камыш для крыш, убирал за скотом, чинил ограды.

Он жил в подвалах и на чердаках, спал на голой земле и на тюках с шерстью. Его били? Иногда. Прогоняли? Часто. У него не было имени. Его звали «кара бала» — чёрный мальчик, «кетмен» — лопата, или просто «эй, ты».

Но он выжил. Потому что в нём жила память о братьях. Он не говорил о них, даже когда было очень больно. Он просто держал эту память внутри, как держат в руке последнюю монету, когда вокруг — пустыня.

Иногда он встречал других таких же — потерянных, безродных, чья судьба разбросала по дорогам, как зёрна из прохудившегося мешка. Они смотрели друг на друга и молчали. Что говорить? У каждого своя беда.

Часть седьмая. Таджикский купец

Когда Усенбаю было уже лет двадцать пять, его заметил один человек. Таджик. Старый купец по имени Шарифаддин — Шариф-ака для тех, кто его знал.

Он торговал коврами и шёлками, водил караваны из Самарканда в Кашгар и обратно. Это был одинокий человек. Говорили, что когда-то у него была дочь, но она умерла, и с тех пор он не хотел ни семьи, ни детей. Но когда он увидел

Усенбая — молчаливого, выносливого, с глазами, в которых горел тот самый дальний огонь, — что-то в нём перевернулось.

— Хочешь жить у меня? — спросил он. — Еда, крыша над головой. А взамен — верность. Понял?

Усенбай понял.

Он переехал в дом Шариф-аки в Андижане. Дом был небогатый, но крепкий, из жжёного кирпича, с внутренним двором и старым тутовым деревом. Усенбай помогал по хозяйству, сопровождал хозяина в караванах, охранял товары. Шариф-ака кормил его, одевал, обращался почти как с сыном. Почти. Но не до конца.

Потому что у Усенбая не было калыма. Не было рода. Не было братьев рядом, которые могли бы сосватать ему невесту. А без этого никто не отдаст за него дочь. На всём Востоке, от Кашгара до Самарканда, это закон.

Так он дожил до тридцати лет. Неженатый. Одинокий. Чужой среди своих, свой среди чужих.

Иногда ночами он смотрел на звёзды — те же самые, что светили над аулом Ашанохы — и думал: помнят ли его братья? Ищут ли? Или смирились?

Он не знал, что в это самое время Асанбай и Бабай всё ещё не опустили рук.

Часть восьмая. Встреча

Какими-то неведомыми путями — словно сама судьба вела их за руку — братья нашли тот самый дом. В чужом городе, среди чужих стен, через двадцать лет разлуки.

Они постучали в дверь. Им открыл мужчина. В лице его угадывались знакомые черты, но время изменило его — огрубило, закалило, добавило морщин.

— Мы — Асанбай и Бабай, — сказали братья. — Ты знаешь нас?

Мужчина долго молчал. Смотрел на них — на старшего, с тяжёлыми руками, на среднего, с тихими глазами. И вдруг его лицо дрогнуло. Как трескается старая, пересохшая земля от первого дождя.

— Да, — сказал он тихо. — Я Усенбай.

Они упали в объятия друг друга. Взрослые, седые, обветренные мужчины плакали, как мальчишки, потерявшиеся в горах и нашедшие дорогу домой.

Слёзы текли по их лицам, и никто не стыдился их. Потому что не бывает стыдно, когда ждёшь двадцать лет и наконец дожидаясь.

Часть девятая. Хозяин

На шум вышел Шариф-ака. Он был уже совсем старым, согнутым, с длинной белой бородой, но глаза его смотрели остро.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Мы его братья, — сказал Асанбай. — Мы нашли его. Мы забираем его домой.

Шариф-ака нахмурился.

— Я воспитывал его с тринадцати лет. Я кормил его, поил, одевал. Он моя опора. Вы не можете просто взять и забрать его.

— Он наш брат, — повторил Бабай спокойно. — Кровь — не вода.

Шариф-ака помолчал. Потом сказал:

— Докажите.

— У него лысина на макушке, — сказал Асанбай.

Сняли с Усенбая тибетейку. И правда — на макушке было круглое пятно без волос, ровное, как луна в полнолуние.

— А ещё, — добавил Бабай, — у него на шее большая родинка. С левой стороны.

Посмотрели. И это подтвердилось.

Шариф-ака долго молчал. Потом глубоко вздохнул — так вздыхают перед расставанием с чем-то очень родным — и махнул рукой.

— Забирайте, — сказал он. — Аллах свидетель, я не держал его силой. Но теперь... теперь он ваш.

Он повернулся и ушёл в дом, не оглядываясь. Говорят, в тот вечер он долго сидел один под тутовым деревом и молча курил трубку. Может быть, плакал. А может быть, молился.

Часть десятая. Возвращение

Они ехали обратно медленно. Усенбай то и дело оглядывался назад, словно не верил, что чужие стены остаются позади.

Дорога домой оказалась длиннее, чем дорога туда. Потому что теперь они ехали не в надежде, а с радостью. А радость делает путь долгим — хочется растянуть её на каждый шаг.

В ауле их встретили всем миром. Люди плакали. Старухи читали молитвы. Дети бежали за лошадьми, кричали: «Усенбай вернулся! Усенбай вернулся!»

Его женили. Невесту нашли из соседнего аула — женщину, которая тоже знала, что такое терпение. Её звали Бал, им было суждено прожить долгую и счастливую жизнь

И в 2019 году, у у Усенбая родилась первая дочь. Её называли **Этижан**.

Отец держал её на руках и, говорят, впервые за много лет плакал от счастья, а не от боли.

Часть одиннадцатая. Эпилог. О чём эта история

Эту историю рассказал мой старший брат Бекболат. И каждый раз, когда он рассказывает её, в комнате становится тихо.

Это история не только о пропаже и возвращении. Она о том, что братская любовь сильнее расстояний. Сильнее времени. Сильнее смерти.

Асанбай и Бабай искали своего брата двадцать лет. Двадцать лет! Они не сдались, когда сдались бы другие. Они не забыли, когда забыли бы все. Они шли, когда дорога уходила за горизонт и не было никакой надежды.

Это история о том, что человек не начинается с себя. Он начинается с дедов, с земли, с гор, с родника, который пили его предки. И если ты помнишь это — ты никогда не пропадёшь. Даже если судьба занесёт тебя на чужбину.

Это история о нашей маме, нашей Апе, которая родилась в 1926 году в ауле Ашанохы. Её отец, Усенбай — Сенбай-ата — прошёл через ад, но вернулся. Он женился. Воспитал пятерых дочерей. Он жил долго и трудился до последнего дня.

Я помню, как однажды увидел старого человека, который косил траву косой. Крепкий, высокий, с сильными руками.

— Это и есть Усенбай ата? — спросил я у матери.

— Да, именно он, — ответила она.

— А сколько ему лет?

— Уже около девяноста...

Я удивился. Мать улыбнулась, погладила меня по голове и тихо сказала:

— Настоящий человек должен быть трудолюбивым и не бояться работы.

Эти простые слова, сказанные с материнской теплотой и любовью, навсегда остались в моей памяти.

Завершение

Вот такая история. В ней есть всё: горы и караваны, слёзы и надежда, двадцать лет разлуки и одна минута встречи. В ней есть братская любовь, которая не знает усталости, и дорога, которая всегда приводит домой.

Где бы ты ни был — помни: тебя ищут. Тебя ждут. Ты не один.

Потому что пока жива память — жив и человек.

5.3. Память о Бабае батыре

Я не историк и не архивист. Всё, что знаю о Бабае батыре, дошло до меня через рассказы старших, через семейную память, через редкие имена, которые в нашем доме произносили с уважением и осторожностью.

В детстве мне казалось, что Бабай батыр — почти легенда. О нём говорили негромко, как говорят о людях, переживших тяжёлое время. Постепенно отдельные воспоминания начали складываться в живой образ человека и эпохи.

Бабай происходил из рода Шажы племени Албан Старшего жуза. Наши земли лежали там, где начинаются предгорья Джунгарского Алатау, где летом зеленеют жайлау Каркары и Нарынкола, где ветер идёт с гор, а старики ещё помнят древние дороги к Кульдже.

В семье рассказывали о трёх братьях: старшем — Асанбае батыре, среднем — Бабае и младшем — Усенбае. Сейчас трудно сказать, кем они были по официальным бумагам. Но в народной памяти слово «батыр» просто так не давали. Так называли человека смелого, уважаемого, способного поднять людей в трудное время. Судя по фамилии Туниязов, их отца звали Тунияз — или Төнияз, как могли произносить раньше. Тогда фамилии ещё не имели такого значения, как позже. Человека чаще знали по роду, по имени отца, по его делам.

Когда летом 1916 года вышел царский указ о мобилизации казахов на тыловые работы, Жетысу словно вскипело. Особенно поднялись албаны Каркары. Недаром позже восстание стали называть «Албан көтерілісі». Сегодня историки называют имена Узака Саурыкулы, Жаменке Мамбетулы и других известных руководителей. Но чем больше читаешь о тех событиях, тем яснее понимаешь: рядом с ними были десятки других людей, чьи имена не вошли в книги. Одним из них был и Бабай.

В семейных рассказах говорилось, что он участвовал в восстании и погиб в 1916 году. Подробностей почти не сохранилось. Время было страшное: карательные отряды, бегство через горы, гибель людей, откочёвка в Китай. Многие имена исчезли вместе с документами и могилами. Но память осталась.

Особенно хорошо в семье помнили Нурболу — жену Бабая. Детей у них не было, однако именно через неё имя Бабая дошло до следующих поколений. Для меня это всегда было важным: иногда человека спасает от забвения не архив, а человеческая память.

С годами я начал понимать, что история народа состоит не только из имён, попавших в учебники. Она состоит и из таких людей — полузабытых, не записанных, но оставшихся в памяти семьи. Возможно, когда-нибудь найдутся архивные документы, где мелькнёт имя Бабая из рода Шажы. А может быть, этого уже не случится. Но для меня он всё равно остаётся частью истории Жетысу, частью трагических событий 1916 года и частью памяти нашего рода. И пока эта память жива — живы и они: Асанбай батыр, Бабай батыр, Усенбай, Нурбола. Люди далёкого времени, чьи судьбы однажды пересеклись с большой историей степи.

А потом, уже став старше, я иногда начинал представлять себе эту историю иначе — не как строгую хронику, а как старую степную легенду, которую мог бы придумать его внук, пытающийся мысленно вернуть людей своего рода из далёкого времени.

И тогда Бабай батыр виделся мне человеком большой степи Карадалы — человеком, чья жизнь проходила между Кіші Дихан, летними жайлау и дорогами, уходящими к Кульдже. Мне представлялось, будто род Шажы в те годы жил одной большой семьёй: старики хранили шежиры, женщины берегли очаг, а молодые джигиты с раннего утра уходили к табунам и пастбищам. И среди них выделялись трое братьев — Асанбай, Бабай и Усенбай.

Старший, Асанбай батыр, был человеком спокойным и немногословным, к чьему слову прислушивались аксакалы. А Бабай — более горячим, быстрым, с той внутренней силой, которая в трудные времена заставляет людей идти за человеком без приказа.

Я представлял себе, как в аулах Каркаралы однажды дошла весть о царском указе 1916 года. Как сначала люди не поверили. Как потом по аулам начали собираться мужчины, спорить, советовать до поздней ночи. И будто бы именно тогда среди рода Шажы впервые особенно громко прозвучало имя Бабая. В моём воображении он ездил между аулами, собирал джигитов, разговаривал со стариками, убеждал не отдавать молодых парней на чужую войну. Где-то рядом были и другие известные люди того времени — Узак Саурыкулы, Жаменке Мамбетулы, батыры и мергены албанских родов.

Иногда мне даже виделось, как у подножия гор, возле Асаноқы и Малого Дехкана, собираются всадники рода Шажы. Ночью горят костры. Люди чинят сбрую, проверяют старые берданки, а старики молча смотрят в сторону гор, будто заранее чувствуя беду.

Конечно, я понимаю: многое из этого — лишь мои собственные мысли, попытка правнука дорисовать то, чего уже не сохранили документы. Но мне хочется верить, что в этих представлениях есть хотя бы частица правды. Потому что восстание 1916 года действительно было временем, когда рядом с известными руководителями поднимались десятки почти забытых людей — родовых батыров, старшин, простых джигитов. Их имена не всегда попадали в архивы, но оставались в памяти рода.

Иногда я представляю и последние дни Бабая.

Но сначала, пожалуй, надо объяснить одно слово. Для нас, старших, оно страшное, но для внуков и правнуков оно уже почти забыто. Это слово — **Үркүн**.

В переводе с казахского оно означает «побежище», «массовое бегство». Так называют тот самый трагический исход, когда после разгрома восстания аулы Жетысу, спасая детей и стариков, бросились через горы в Китай, в Кульджинский край. Слово произошло от «үрку» — «испугаться, разбежаться, как табун от хищника». И оно точно передаёт тот ужас: люди не просто уходили — их гнал страх поголовного истребления. Тысячи погибли в перевалах от холода и голода. Это одна из самых горьких страниц нашей истории, и, если вы её не знали, запомните: Үркүн — это исход 1916 года.

Так вот, после подавления основных очагов Каркаринского восстания регулярными царскими войсками, Бабай батыр вместе со своими аулами совершил тяжелейший прорыв через высокогорные перевалы в сторону Китая. Он уводил людей в Кульджинский край, спасая их от карателей. Иными словами, он был среди тех, кто вёл свой род через Үркүн.

По ущельям Жетысу тогда уходили целые аулы. Кто-то пробивался через перевалы к Кульдже, кто-то погибал в дороге, кто-то навсегда оставался в горах. И мне хочется думать, что Бабай был среди тех, кто до конца помогал людям своего рода — не как герой из учебника, а как обычный человек своего тяжёлого времени.

Позже, после амнистии, часть его рода вернулась на родные земли в Малый Дехкан. Село Кіші Дихан — это историческая родина и колыбель потомков Бабай батыра. В самом селе его имя глубоко почитается.

Может быть, именно поэтому память о нём всё-таки уцелела. Не в бумагах. А в семье.

Роль Усенбай Ата в событиях 1916 года

Бабай Ата был богатырём — высокий, мощный. А мой родной нагаши ата Усенбай был среднего роста, но физически очень силён. И вряд ли он сидел дома, когда его брат поднимал свой род Шажа на восстание. Поэтому я думаю, что у Усенбая была своя, пусть и негромкая, роль.

Если Бабай был военным предводителем, колбасшы, повстанческого отряда родов Шажа и Алжан, то Усенбай стал его ближайшим помощником, тактическим командиром и человеком, который отвечал за тыл.

Во-первых, он непосредственно занимался сбором джигитов из близлежащих аулов Карадалы, организовывал конные сотни, доставал продовольствие, лошадей, самодельное оружие — пики, сабли, охотничьи ружья.

Во-вторых, когда дело доходило до столкновений с карательными отрядами в предгорьях и ущельях, Усенбай руководил мобильными группами. Они устраивали засады, сдерживали регулярные войска и давали возможность мирным аулам сняться с мест и уйти.

А во время самого страшного — Үркүн, откочёвки в Китай, — Усенбай вместе с Бабаем обеспечивал прикрытие перехода тысяч беженцев: стариков, женщин, детей. Они вели людей через труднодоступные горные перевалы в Кульджинский край. И благодаря их организаторским

способностям значительной части рода Шажа удалось избежать гибели в том трагическом исходе.

После установления советской власти и амнистии участникам восстания Усенбай вместе с частью родственников вернулся на родные земли — в Малый Дехкан. И память о нём, как и о Бабае, осталась не в архивах, а в семье, в земле Кіші Дихан, в той самой степи, где они жили и за которую стояли до конца.

Литература

1. Заманбек Батталханов. Оразбақ батыр. 2002 год. Алматы.Алатау. 55 с.
2. Заманбек Батталханов. Өнеген өмір. 1994 г. Алматы. 111 с.
3. Заманбек Батталханов. Өмірәм өнегем. Алматы . 1996 г. 124 с.
4. Қожбанбет руы. Шежіре. Алматы. 2023 г. 448 с.
5. Бахыт Батталханов. Ұмытылмас тұлға
6. ЕрболатБатталханов. Болысбек Батталханов. Апа. 2016 г. 100с.

Сведения об авторах

Батталханов Аманбек Заманбекович — кандидат технических наук, доцент Казахского агротехнического исследовательского университета имени С. Сейфуллина, действительный член (академик) Национальной академии машиностроения и транспорта Республики Казахстан, действительный член (академик) Международной академии информатизации.

Батталханов Болсбек Заманбекович — «Деятель культуры Республики Казахстан», первый директор Дома-музея Д.А. Кунаева, автор книг о Д.А. Кунаеве.

Батталханов Асылбек Аманбекович — член-корреспондент Национальной академии машиностроения и транспорта, специалист в газовой отрасли. Автор книги «Метан на транспорте» и других работ в этой области.

Авторлар туралы мәліметтер

Батталханов Аманбек Заманбекұлы — техника ғылымдарының кандидаты, С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университетінің доценті, Қазақстан Республикасы Машина жасау және көлік ұлттық академиясының толық мүшесі (академик), Халықаралық ақпараттандыру академиясының толық мүшесі (академик).

Батталханов Болсбек Заманбекұлы — Қазақстан Республикасының «Мәдениет қайраткері», Д.А. Қонаев атындағы үй-музейінің тұңғыш директоры, Д.А. Қонаев туралы кітаптардың авторы.

Батталханов Асылбек Аманбекұлы — Машина жасау және көлік ұлттық академиясының мүше-корреспонденті, газ саласының маманы. «Метан көлікте» кітабының және осы саладағы басқа да кітаптардың авторы.

Information about the authors

Battalkhanov Amanbek Zamanbekuly — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor at S. Seifullin Kazakh Agro-Technical Research University, Full Member (Academician) of the National Academy of Mechanical Engineering and Transport of the Republic of Kazakhstan, Full Member (Academician) of the International Academy of Informatization.

Battalkhanov Bolsbek Zamanbekuly — «Honoured Worker of Culture of the Republic of Kazakhstan», First Director of the D.A. Kunayev House-Museum, author of books about D.A. Kunayev.

Battalkhanov Asylbek Amanbekuly — Corresponding Member of the National Academy of Mechanical Engineering and Transport, specialist in the gas industry. Author of the book «Methane in Transport» and other works in this field.